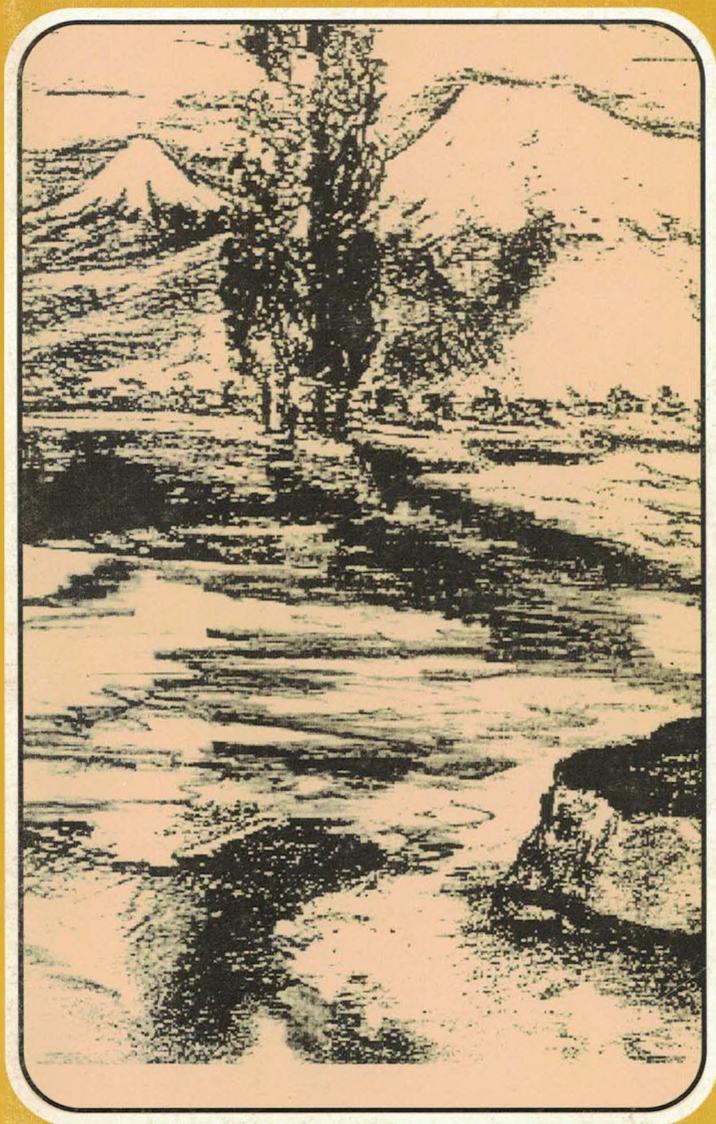

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

АЛЬМАНАХ • ШИШУШ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

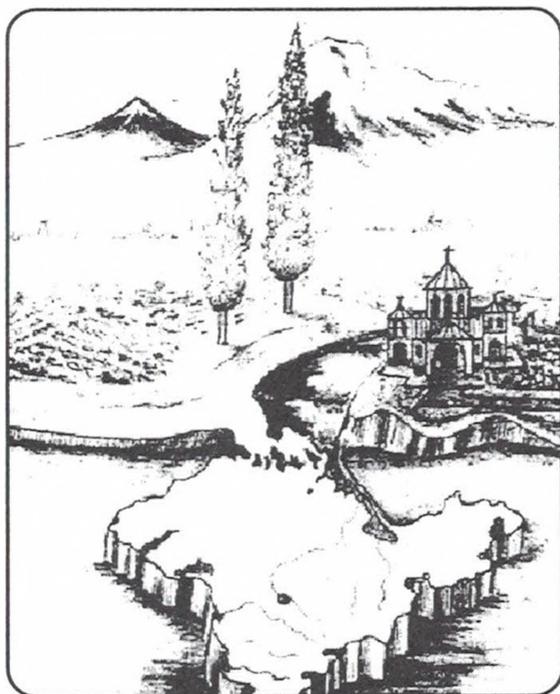

В. Вершинин

Издательство
«ДОЛЯ»
2003

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՄՐՏՈՒՄ

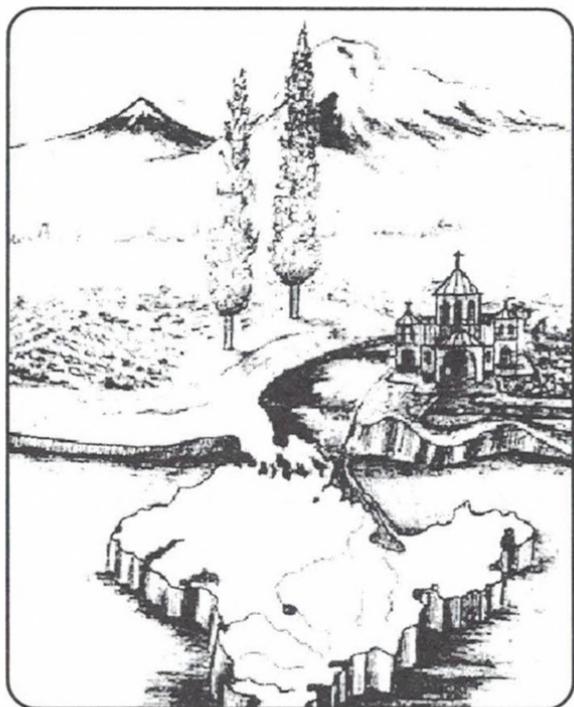

ՂՐԻՄԻ ՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ
ՄԻՈՒԹՅԱՆ

ԱԼՄԱՆԱԽ

ԱՌԱՋԻՆ ԹՈՂԱՐԿՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

АЛЬМАНАХ

АССОЦИАЦИИ
КРЫМСКИХ
АРМЯНСКИХ
ЛИТЕРАТОРОВ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ББК 84(4Укр-Арм)
Р60

Составление, общая редакция, редакция русского текста
и статьи об авторах –

Владимир ВАРТАНЬЯН,
Член Национального Союза писателей Украины,
председатель Ассоциации
крымских армянских литераторов

Редакция армянского текста – Рушан ПИЛОСЯН
Художественное оформление и рисунки – Сасун БАРЯН

ISBN 966-8295-87-0

© Ассоциация крымских
армянских литераторов, 2003
© Издательство «ДОЛЯ», 2003

СЛОВО ОБ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литература армянского народа – одна из самых древних литератур мира.

Из глубины веков дошли до нас памятники народного творчества, хранящие сведения о жизни и борьбе племён древней Армении. Большую историко-познавательную и художественную ценность представляют созданные в разные времена исторические предания, легенды и эпические песни.

Начало армянской литературной культуры восходит к клинообразным надписям, высеченным в скалах и на каменных плитах урартийцами (древней народностью Армянского нагорья). Армянская литература имела и античный период своего развития. История письменной армянской литературы начинается с пятого века на основе армянской письменности, созданной ещё в четвёртом веке одним из крупнейших учёных того времени просветителем Месропом Маштоцем.

В средние века развивались армянская светская культура и литература. Церковная поэзия постепенно шла к упадку, и с двенадцатого века начинает омертвевать древний литературный армянский язык (грабар) и в литературу проникает живой народный язык. Постепенно складывается так называемый среднеармянский язык, на котором с тринадцатого века пишут лучшие армянские поэты. Среди них – Константин Ерзикаци, первый певец любви в армянской лирике. К этому же времени относится и творчество баснописца, новеллиста и автора притч Вардана Айгекци.

Уже с середины восемнадцатого века стала ощутимой потребность в литературе с новым, светским содержанием на

понятном народу новоармянском языке (ашхарабар). После присоединения Закавказья и Восточной Армении к России (начало девятнадцатого века) основным направлением в армянской литературе стал классицизм. Наиболее яркие его представители – О.Ванандеци, П.Минасян, А.Багратуни, М.Авгерян, Г.Аветисян, Е.Томачян и другие.

Большой вклад в развитие армянской литературы внесли С.Воскан, Р.Паткян, Х.Абовян, Г.Сундукян. В конце девятнадцатого века ведущим направлением в армянской литературе становится критический реализм. Одним из наиболее выдающихся представителей новой армянской литературы был А.Исаакян. Среди нового поколения поэтов Западной Армении выделялись М.Мецаренц, Д.Варужан, Р.Севак, Сиаманто (А.Ярчанян).

Новая ступень развития армянской поэзии связана с творчеством В.Теряна и А.Акопяна, а в прозе – с именами М.Петросяна, Арази (М.Арутюняна), А.Варданяна. В советский период армянская литература получила дальнейшее развитие. Лучшие представители демократической интеллигенции этого времени – Е.Чаренц, О.Туманян, О.Иоаннисян, А.Бакунц, М.Манвелян. В годы Великой Отечественной войны в армянскую литературу пришло новое поколение поэтов, прозаиков и драматургов: А.Сагиян, С.Капутикян, М.Маргарян, Г.Эмин, Р.Ованесян, П.Севак, В.Давтян, С.Арутюнян.

Продолжается развитие армянской литературы и в наше время, в том числе и в Крыму. Так, если читатели давно знакомы с именами поэтов и прозаиков Георгия Меликова и Владимира Вартаньяна, то в последние несколько лет они познакомились с афоризмами Петра Казанчанца, крымскими легендами Марата Файзи, стихами и прозой Рушана Пилосяна,

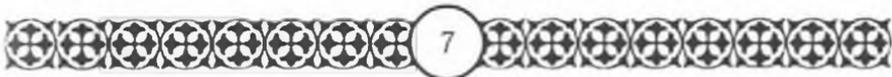

Вагаршака Мазлумяна и Сасуна Баряна. Зазвучали и молодые голоса – Рузанны Карапетян и Наиры Чатилян.

По инициативе и при непосредственном участии члена Национального Союза писателей Украины Владимира Вартаняна в 2002 году при Крымском армянском обществе создана Ассоциация крымских армянских литераторов, пишущих на армянском, русском и украинском языках. Добрыми словами работу этой Ассоциации благословил известнейший российский поэт армянского происхождения Эдуард Асадов (город Москва), для которого крымская земля стала дорогой и родной: в боях за освобождение Севастополя в при выполнении важнейшего боевого задания в ночь с 3 на 4 мая 1944 года командир батареи Гвардейских миномётов «Катюша» лейтенант Эдуард Асадов был тяжело ранен и навсегда потерял зрение.

Предлагаемый вниманию читателей альманах составлен из произведений членов этой Ассоциации. Это – первое подобное издание, что является значительным событием в жизни Крымского армянского общества.

Ерванд БАРАШЬЯН

Барашьян Ерванд Варданович родился в 1926 году в селе Чалтырь Мясниковского района Ростовской области (Россия), а его предки были переселенцами из Крыма.

Закончив среднюю армянскую школу в родном селе, он обучался в Ростовском медицинском институте, по окончании которого Барашьян Е.В. двадцать шесть лет проработал врачом в воинских частях (из них десять лет на Дальнем Востоке и в Монголии, а остальные – в Крыму). С 1963 года он живёт в городе Феодосии. С 1978 года и по настоящее время работает специалистом по медицинской статистике городского Управления здравоохранения.

Сам о себе Ерванд Варданович говорит так: “Я не историк и не писатель. Но, зная, что мои далёкие предки были переселенцами из Крыма ещё со времён Екатерины II, я считал своим долгом изучить ту богатую культуру, которую они оставили на новом месте жительства. И поскольку литературой и историей может заниматься любой человек, я с юношеских лет питал особую любовь к истории и литературе своего народа”.

В 2003 году издан сборник «Старинный песенный фольклор крымских армян», составителем которого является Е.В.Барашьян.

ЭТАПЫ ЖИЗНИ КРЫМСКИХ АРМЯН

Армяне, в силу исторических судеб, со времён распада армянского Государства Багратидов в X – XIII веках расселялись по многим странам в поисках лучшей доли. В средние века были известны поселения армян в Западной Украине, Буковине, Молдавии и в Крыму. Уже в XIV веке в юго-восточном Крыму, от Белогорска до Феодосии, две трети населения составляли армяне.

Тысячелетний период жизни армянского народа в Крыму можно разделить на три этапа: первый этап – XI-XVIII века (до 1778года), второй – 1800 –1944 годы и третий этап – с 1988 года по настоящее время.

Начало основания армянских поселений в Крыму относится к XI веку, хотя полуостров был известен армянам с давних времён.

Ещё в I веке до нашей эры армянский царь Тигран Великий установил родственные и союзнические связи с царём Боспорского царства Митридатом VI Евпатором. Есть сведения и об армянском князе Вардане, который в начале VIII века, обосновавшись в Херсонесе Таврическом, вёл борьбу против Юстиниана II и, свергнув его с престола, был провозглашён императором Византии. Армяне, хотя и малочисленные, были здесь и позже – в VIII-X веках. Известен один из них, Калокир, который, будучи влиятельным вельможей, содействовал Византии в её поисках установления дипломатических отношений с Киевской Русью.

В XI-XIV веках из-за политического и религиозного гнёта Византии и в результате опустошительного нашествия

турок-сельджуков, а позже татаро-монголов, в Закавказье и Малую Азию усилился поток армянских переселенцев. Заметная часть армянского населения через Константинополь, Трапезунд и придунайские территории перебралась в Крым.

За семь веков армяне наряду с другими народами Крыма внесли огромный вклад в экономическое и духовное развитие полуострова. Ими построены города и сёла, множество церквей и монастырей, некоторые из которых сохранились до настоящего времени. Высокого расцвета достигли изготовление рукописной книги и книжная миниатюра в монастырях средневековых Кафы и Сурхата (ныне – Феодосия и Старый Крым). Этот благотворный исторический путь был прерван в 1778-1779 годах переселением крымских армян по указу российской императрицы Екатерины II на донские берега с целью экономического ослабления Крымского ханства и освоения пустующих земель на юге России. Были переселены армяне численностью 12598 человек из многих районов Крыма: торговцы, ремесленники и промышленники из Бахчисарая, Кафы, Карасубазара, Солхата, Гёзлева и Ак-Мечети, а крестьяне – Топлу, Мелик, Камышли, Сала, Чурук-Су, Султан-Сала, Орталанк, Сарыбуз, Солдая, Тапчак и других. В устье Дона на имперской, а не казачьей, территории армяне основали город Нахичевань и построили пять селений, которым дали крымские названия.

Последующий период в жизни крымских армян оказался не менее сложным. Новая армянская община стала пополняться беженцами из Турции. Появлению этих беженцев предшествовали армянские погромы в Османс-

кой империи, организованные «кровавым султаном» Абдул Гамидом II в 1894-1896 годах. Жертвами этих погромов стали не менее 600 тысяч человек.

Новый виток насилия в начале XX века увеличил поток беженцев.

В 1915-1923 годах в результате геноцида армян, осуществлённого партией младотурок, погибли более полутора миллиона человек. Около 600 тысяч армян стали беженцами. Они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже существовавшие общины, в том числе и крымскую.

Армяне, расселяясь преимущественно в городах, внесли достойный вклад в расцвет экономики и культуры Крыма.

Однако, к величайшему сожалению, в 1944 году 12-тысячная армянская община была депортирована из Крыма в восточные районы бывшего СССР и перестала практически существовать по непонятным до сих пор и официально не обнародованным причинам: все крымские армяне необоснованно были обвинены в пособничестве немецко-фашистским захватчикам в годы Великой Отечественной войны и надуманно объявлены предателями Родины.

Третий этап жизни армян в Крыму начался в 1988 году.

Нынешнее поколение армян Крыма – это не только бывшие депортированные, возвратившиеся на родную землю, но и беженцы и переселенцы из Закавказья. На крымской земле дважды был прерван эволюционный процесс развития части армянского народа. И поэтому вполне естественно, что ныне живущие в Крыму армяне слабо зна-

ют многовековую историю, традиции и культуру своих предшественников. Это положение ещё усугубляется и тем обстоятельством, что многие из них являются русскоязычными, а большинство даже говорящих на армянском языке не владеют армянской письменностью, тем самым лишив себя возможности пользоваться литературой на родном языке.

В последние годы многие активисты Крымского армянского общества отдают много сил и энергии организации воскресных школ, изучению родного языка, традиций и культуры армянского народа.

АВТОР ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

У армянского народа есть замечательная песня с очень счастливой судьбой. Приезжайте в Армению, зайдите в любой дом – и люди устроят для вас настоящий праздник, угостят тем, что найдётся в доме, и обязательно споют вам «Цицернак» («Ласточку»):

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг,
Ты куда же летишь
За зигзагом зигзаг?
Через поле, овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!
Там, далёко, с тоской

Мой отец, весь седой,
Сына милого ждёт
С каждой новой зарёй.
Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

Прекрасную мелодию вдохнул в это произведение великий Комитас.

А это стихотворение написал наш земляк, поэт, педагог и общественный деятель Геворк Додохян.

Автор «Цицернака» родился в деревне Годенлу близ Симферополя в 1830 году. Он учился в местной армянской церковно-приходской школе, где получил первоначальное образование, а затем закончил симферопольскую мужскую гимназию. Ему довелось завершить своё образование в Лазаревском институте восточных языков (город Москва), куда его определили в двенадцатилетнем возрасте. Здесь он принимает самое активное участие в общественной жизни института: при его непосредственном участии организуются литературно-музыкальные вечера.

Г.Додохян увлекался рисованием, поэтому он был принят в петербургскую Академию художеств, где в течение трёх лет совершенствовал своё мастерство. Не завершив курса обучения, он отправляется в Тартуский университет (Эстония), который закончил в 1869 году по специальностям экономика и педагогика. За годы пребывания в Тарту он написал целый ряд патриотических стихотворений. Его

перу принадлежит и нежное стихотворение «Фиалка», которое и по сей день занимает достойное место в армянских школьных учебниках, как образец описания проснувшейся природы.

Геворк Додохян принадлежал к тем слоям армянской молодёжи, которые, сохранив в сердце тоску по родине, отправлялись в дальние края, приобретали знания, чтобы быть полезными родному народу. Ещё в университете он с другими армянскими юношами сочинял романтические программы служения народу. В 1854 году он написал «Цицернак» – стихотворение, полное любви к родным местам и тоски по ним.

Г.Додохян занимался педагогической деятельностью в армянских школах городов Северного Кавказа, а в 1867 году, после смерти родителей, переехал в Симферополь и жил здесь до конца своей жизни.

Г.Додохян оставил оригинальное литературное наследие, которое и по сей день ожидает своих исследователей. Он писал как на литературном армянском языке, так и на диалекте крымских армян, переводил на армянский язык И.Крылова, М.Лермонтова и Г.Гейне. Его перу принадлежат около девяноста стихотворений и сатирических поэм. Среди всего его литературного наследия значительное место занимает «Ласточка» – одна из жемчужин национальной армянской поэзии. Это стихотворение переведено на многие языки мира: русский, английский, итальянский, польский, грузинский и другие.

Долгие годы он преподавал в духовной семинарии. Умер Г.Додохян в 1908 году.

Творческое наследие поэта изучено крайне мало. В 1939 году в Тбилиси (Грузия) был издан единственный сборник произведений Геворка Додохяна на армянском языке, который давно уже стал библиографической редкостью.

Но главным итогом творчества поэта стало, конечно же, его стихотворение «Цицернак». На русский язык его перевёл Валерий Брюсов. Он же в 1916 году издал сборник «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней», куда вошёл и этот перевод. Примечательно и высказывание мэтра: «Этой песне, конечно, суждено жить, пока жив будет или хотя бы изучаем армянский язык... Додохян — поэт одного стихотворения, но им он навсегда приобрёл себе место в истории армянской литературы».

О.Саргсян писал, что талантливый поэт и заслуженный учитель, автор уже ставшего народной песней стихотворения «Ласточка» Геворк Додохян своим бессмертным произведением оставил неизгладимый след в армянской литературе. Эта песня выражает сердечную печаль и тоску многих сыновей, оторванных от родной земли. Где бы ни жили армяне, там звучит «Ласточка».

Галина БАРОЯН

Бароян Галина Сукиасовна родилась в 1956 году в городе Спитаке (Армения).

После окончания в 1983 году отделения «Искусство танца» Ереванского педагогического института работала по полученной специальности.

Заниматься поэзией Бароян Г.С. начала ещё в школьные годы (школьные сочинения писала в стихах), участвовала в школьных поэтических олимпиадах. В периодической печати начала публиковаться в 1968 году (газета «Пионер канч» и журнал «Гарун»).

С 1969 по 1972 год занималась в литературном объединении при Союзе писателей Армении (город Ереван).

Бароян Г.С. переехала на постоянное жительство в Крым в 1985 году и в настоящее время живёт и работает в селе Пятихатки Красногвардейского района. На собственные стихи пишет музыку: эти песни чаще исполняет её дочь – Анна Симонян. Так их песня «Ереван» на международном фестивале в городе Ялте получила первую премию. Галина Бароян и сама очень любит петь и занимается вокалом в детской студии Пятихаткинской средней школы. Кроме того, она работает учителем танца в армянской воскресной школе города Симферополя и руководит армянской танцевальной группой «Крым».

Пишет стихи на армянском и русском языках.

ԵՐԵՎԱՆ

Ես ծնվել եմ այն քաղաքում,
Ուր ողջ տարին խինդ է լինում,
Ուր արևն է չոքում սարին,
Մասիս սարն է ժպտում հեռվից:

Քաղաք դու իմ, սիրուն Երևան,
Մանկության իմ հայոց օթևան,
Ջեռու եմ ես, թեկուզ շատ հեռու,
Ու դու ես միշտ իմ սրտում:

Անհուն սիրով սիրում եմ քեզ,
Իմ հարազատ, դու իմ քաղաք,
Փողոցներով քո գեղեցիկ,
Անհաղթ երկիր, իմ հայրենիք:

Սրտից պոկված իմ երգն ես դու,
Իմ մանկության երազն ես դու,
Պիտի թռչեն երկինքն ի վեր
Ու քո մասին գրեն տաղեր:

ЕРЕВАН

(Перевод с армянского Владимира Вартастьяна)

Я родилась в том городе далёком,
Где круглый год – веселье, счастье, жизнь,
Где солнце поднимается высоко,
Всем улыбается гора Масис.

Очаг армянский ласкового детства,
Красавец мой, любимый Ереван.
Теперь я очень далеко, но в сердце
Ты навсегда с рождения мне дан.

Люблю тебя, люблю тебя безумно,
Мой дорогой, красивый город мой.
Люблю простор красивых улиц шумных.
Ты, родина моя, всегда со мной.

Ты – моя песня, ты – кусочек сердца,
И ты всегда, всегда в моей судьбе.
Хочу взлететь (мечта об этом с детства),
Чтоб написать там песню о тебе.

ПОСЕЩЕНИЕ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Я пришёл ненадолго
(Что стряслось, не понять)
Новой звёздочкой волглой,
Чтобы что-то узнать.

Дом открыл свои двери –
Я увидел тебя,
В незнакомку поверил,
Простоту полюбя.

Пусть судьбина – скупая,
Море крови и боль.
Но твой взгляд привлекает,
Обещает любовь.

ՑԱՆԿՈՒԹՅՈՒՆ

Ես չեմ ուզում լինել արքա,
Կուզեմ լինել մի երեխա,
Որ չգիտի ինչ է սերը,
Ինչ է նրա տված ցավը:

Ես չեմ ուզում լինել ուժեղ,
Լինել հպարտ, լինել ահեղ,
Ես ուզում եմ լինել արդար,
Լինել շատ թույլ, լինել անդարդ:

Ես չեմ ուզում ժպտալ անմիտք,
Լինել իբրև մի խաղալիք,
Ես ուզում եմ ճշալ, լացել,
Ուզում եմ ես քնից զարթնել:

Կուզեմ լինել մի երեխա,
Քնից զարթնել ու լաց լինել,
Որ վազելով մայրիկս գա
Ու ես քնեմ նրա գրկում:

ЖЕЛАНИЕ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Быть королевой не хочу я –
Хочу всегда ребёнком быть,
Который боли не почувял
И не умеет полюбить.

Не надо силы неуместной,
Не нужен гордый, строгий нрав.
Но я всегда хочу быть честной
И слабой, горя не познав.

И не хочу я быть игрушкой,
Безумен смех – не нужен он.
Хочу кричать, рыдать в подушку,
Покинуть свой тревожный сон.

Хочу ребёнком быть я нежным,
Проснувшись, маму разбудить,
Ко мне спешила чтоб, как прежде,
Чтоб спать у мамы на груди.

МЫ — АРМЯНЕ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Пусть далеко от матери-земли
И нашей родины, такой усталой,
Вы помните всегда, всегда, что мы —
Армяне, здесь нас очень, очень мало.

Но почему мы вместо доброты
На лицах видим злость лишь и коварство?
И почему друг друга дразним мы
И нетактичных слов бушует царство?

Давайте будем добрыми всегда,
Всегда любить друг друга будем, люди.
Давайте петь, смеяться, танцевать
И по-армянски «Здравствуй!» помнить будем.

Пусть мы в Крыму — армяне мы всегда,
Здесь, на чужбине, живы тесным кланом.
Так будем нацией своей горды
И родиной с прекрасным Ереваном.

Сасун БАРЯН

Барян (Этибарян) Сасун Манвелович родился в 1959 году в городе Спитак (Армения)

В 1976 году закончил среднюю школу, а в 1980-м – театральную студию при театре им О Абеляна и получил специальность актёра драматического театра В 1983 году закончил студию при киностудии «Арменфильм» и получил специальность актёра драматического театра и кино и с этого времени работал в драматическом театре им О Абеляна в городе Кировакане.

Пишет стихи и прозу на армянском и русском языках. Кроме того, он – художник и скульптор, иллюстратор книги М.Файзи «Армяне в легендах Крыма» и данного альманаха.

С 1985 года живёт в городе Симферополе. Барян С.М. – член Национального совета армян Крыма.

* * *

Մասիսվեք, եղբայրներ շուտափույթ,
Քանի՛ դեռ մրրիկ չի բարձրացել,
Քանի՛ դեռ շունչ կա մեր բերանում,
Քանի՛ դեռ լեզուն չենք՝ մոռացել:

Մեր բախտը սև ու սուգ, մի՛ լացեք,
Թանկ է մեր վարկյանը ամեն,
Լավ է թե բռունցվենք, միանանք,
Որ փշրենք գամերը չարանենգ:

Տառերը Մաշտոցի վեր պարզած,
Լուսացնենք մութը մեր սև բախտի,
Որ տապան չդնենք՝ հայրենյաց
Ալեհեր Մասիսի գագաթին:

Կամրջենք լեզուն մեր բազմերանգ
Ամեն մի մութ անկյուն աշխարհի,
Որ լեզուն մոռացած հայն անգամ
Չավակին հայերեն օրորի:

Ի գարնանք Աստծո, աշխարհի,
Գոռանք, որ հայ՝ ենք, ու դեռ կանք,
Չամաչենք հայորդի լինելուց,
Մեր լեզվով, հավատով՝ զորանանք:

Որ գրենք մի նոր էջ պատմության
Թեկուզ և շատ հեռու մայր հողից,
Որ լեզուն չմատնենք գերության,
Որ ազգը պաշտպանենք ոսոխից:

* * *

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Братья, станьте, как Масис,
Что под бурей не сник.
И, дыханье пока есть,
Не забыли чтоб язык.

Дорожите каждым днём,
Хоть тяжёлой жизнь была.
Соберитесь все в кулак
И порвите цепи зла.

И Маштоца алфавит
Пусть судьбы осветит мрак,
Чтоб не ставил вновь хачкар
На седом Масисе всяк.

Языковые мосты
По земле всей проведём.
На родном армянском мы
Колыбельную споём.

Бога удивив и мир,
Крикнем: "Мы, армяне, есть!"
На богатства не смотря,
Сохраним призванья честь,

Для Армении родной
Чтоб былое возродить,
От противных всех врагов
Чтоб язык свой защитить.

* * *

*Նվիրում եմ Աշխարհահռչակ ծովանկարիչ
Յոսի. Չայվագյանի հիշատակին...*

Դու ծնվեցիր մի բուռ, սակայն հպարտ ազգից,
Աշխարհ եկար նրա հոգու արտասուքով,
Ցավից սիրտդ գոռաց՝ հուժկու արծագանքից,
Ծով ու երկինք իրար խառնվեցին ողբով:

Հողմը, սուրաց, ամպը գոռաց, կայծակ զարկեց,
Եվ քար կտրեց կարծես տիեզերքը համայն,
Իսկ փոթորկված ծովի ալիքը իններորդ,
Աննահացավ հրաշք վրձնով քո մոզական:

Ծովի հմայնք վերապրումը քո կտավներում
Մարդիկ տեսան առագաստներ մայրամուտին,
Նավեր տեսան փոթորկաբեր ալիքներում,
Վճիտ ծովիդ խորքը տեսան արշալույսին:

Եվ դու կյանքի ալիքներով վեր բարձրացար,
Հավերժացար գործերով քո դու հանճարեղ,
Նարեկացի, Քուչակ ծնած ազգիդ համար
Դու հարթեցիր մի նոր ճամփա վեհ ու լուսեղ :

* * *

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

*Великому Ованесу Айвазовскому
посвящается*

Ты родился на крошечной земле
Из слёз души армянских наших предков.
И боль из сердца вырвалась твоя,
И моря жизнь подметил ты так метко.

Весь мир тогда на миг окаменел,
Когда сквозь бури молнии сверкали,
По полотну катил «Девятый вал»,
Что на века тебя тогда прославил.

Остолбеневши, люди видят в нём
Все чудеса неистовой природы,
И душу моря в шуме грозовом,
И глубину, и дерзость непогоды.

И приподнял тебя на пьедестал,
И наградил бессмертною судьбою
На полотне твоём «Девятый вал»,
И твой народ гордиться стал тобою.

ԽՈՍԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ ԾԽԱԽՈՏԻ ՅԵՏ

Ծխեն՝ թե՛ չէ, միևնույն է, դու ծխում ես ինքդ քեզ,
եթե չայրեն՝ դու չես այրվի, կփչանաս հենց այնպես,
Իսկ ես, եթե հանկարծ չայրվեմ ու չծխամ ինքս ինձ,
Առանց այն էլ այս խելագառ կյանքում հազիվ գտնեն ինձ:

Մարդիկ ուրախ քեզ գնում են թանկ ու կրակ՝ կարծես զարդ,
Ծխում սիրով և հաճույքով, իսկ դու ժպտում ես հպարտ,
Ու երբ հանկարծ վերջանում ես, դեն են նետում զզվանքով,
Տրորում են պատերի տակ և անցնում են ինքնագոհ:

Լկտիաբար համբուրում ես շրթունքները բոլորի,
Չեռքից ձեռք ես անցնում անվերջ, և դառնում ես զզվելի,
Կյանքում ոչինչ քեզ չի հուզում, միայն ծխալ մոխրանանալ,
Իսկ թե՛ ինչ են ես ցանկալում՝ քո նմանը չդառնալ:

Այրվել սիրով և ապրելու տենչով մաքուր, անարատ,
Ծխալ բույրով, ծխալ անկեղծ, կյանքի բովում մոխրանալ,
Ու բարձրանալ, հավերժանալ, փայլատակել հրավառ,
Իմաստնանալ էլ ավելի, գործով մնալ որպես զարդ:

Ծխեն՝ թե՛ չէ, միևնույն է, դու ծխում ես ինքդ քեզ,
եթե չայրեն՝ դու չես այրվի, կփչանաս հենց այնպես,
Իսկ ես, եթե հանկարծ չայրվեմ ու չծխամ ինքս ինձ,
Առանց այն էլ այս խելագառ կյանքում հազիվ գտնեն ինձ:

РАЗГОВОР С СИГАРЕТОЙ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Курю или нет – тебе всё безразлично,
А не зажечь – то ты сгоришь за так.
А я зажгусь – дымить я буду лично.
Себя найти я не могу никак.

Тебя, как ценность, покупают либо
С любовью курят, ты ж смеёшься вслед.
А докурили – выбросят брезгливо
И разотрут ногой: тебя уж нет!

Ты каждого целуешь нежно в губы,
Противная, ты ходишь по рукам.
Тебе же в жизни ничего не любо –
Таким же быть так не хочу я сам!

Я так хочу гореть мечтой о жизни,
Полезным быть, дымить свой аромат,
Подняться к вечности и светом брызнуть,
Стать умудрённым буду очень рад.

Курю или нет – тебе всё безразлично,
А не зажечь – то ты сгоришь за так.
А я зажгусь – дымить я буду лично.
Себя найти я не могу никак.

* * *

*Նվիրում եմ Աշիկի հիսուներորդ
տարեդարձին*

Հիսուն գարուններ ու հիսուն ամառ
Ձուլվեցիր կյանքի բովում խելագար,
Ու պանդխտության ճամփի եզերքին,
Արշալույսներով քո գարունների ,
Մարգարտյա հասկի հատիկներն առած,
Ու պանդխտության ծիծեռնակ դարձած
Բույնդ հյուսեցիր և տան սյուն դարձար,
Չնկատելով վերջը ամառվա,
Երզը շուրթերիդ՝ հոգիդ տագնապած,
Ու ետ նայեցիր պատմության գրկում,
Հիսուն գարուններ ու հիսուն ամառ,
Անցել են անդարձ:
Ոսկեզօծ աշնան բույրը զգացիր և տերևաթափ,
Բայց մի մտածիր, աշունն էլ իրեն հրաշքներն ունի.
Թող քո մարգարտյա հատիկներն ամեն,
Մարգարիտ դարձնեն արշալույսները քո աշնանային:

* * *

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

50-летию Ашика посвящается

Полсотни лет и вёсен ты уже живёшь
В столь сумасшедшем жизненном пространстве,
Покинув Родину, обочиной бредёшь
С рассветом вёсен в огненном убранстве.

Покинув Родину, став ласточкой, теперь
Ты свил гнездо и дому стал опорой.
И не заметил, как закрылась лета дверь
И что душа вдруг с песней вздрогнет скоро.

Ты обернулся: где теперь твои года?
Жаль, что они уже не возвратятся.
Ты видишь – листопад и стылая вода,
Но листья всё же в радости резвятся.

Пусть не вернуться больше тем годам назад –
Ты свои зёрна прорастить сумеешь.
И запылает вновь рассвет, а не закат –
Ты всё равно так твёрдо в это веришь.

ԻՄ ՄԱՅՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆ

Իմ գեղանի, իմ վեհափառ,
Հրաշքների հայ աշխարհ,
Քեզնից քաղցր, քեզնից բարձր
Ոչինչ չկա ինձ համար:

Քանի հազար տարի արդեն
Ծիլ ես տալիս աշխարհին,
Արմատները քո խաչբառված
Ծուխդ ծխում եմ նորեն:

Ամեն օրդ ադամանդվում,
Փայլատակում է համառ,
Ու ծեր սիրտդ թրթռում է
Նոր թրթիռով խանդավառ:

Ու կարոտած հողիդ, ջրիդ,
Գովքդ անվերջ շուրթերիս,
Քեզ եմ տենչում օր ու գիշեր
Մա՛յր Հայաստան, սիրելիս:

МАТЬ МОЯ АРМЕНИЯ

(Перевод с армянского Владимира Вартастьяна)

Моя прекрасная, высокогорная,
Страна чудес, Армения моя.
И ничего превыше и прекраснее
Не существует в мире для меня.

Ростки твои уже тысячелетия
Растут кругом под небом голубым.
А корни крепкие, моя Армения,
Зовут меня домой дымком твоим.

Твой каждый новый день наполнен радостью,
Как бриллиант, уверенно блестит.
Пусть сердце старое, но, как в младенчестве,
Оно всегда так радостно стучит.

И днём, и ночью – лишь к тебе стремление,
И по тебе всегда скучаю я.
Мои слова – тебя лишь восхваление:
Ты – мать моя, Армения моя.

ՄԱՆԿՈՒԹՅՈՒՆ

*Մանկությունը հիշելիս՝ սիրտս դառնում է գինովե...
Ե.Չարենց*

Ու ես նրա հետքերը փնտրեցի ողջ աշխարհում,
Գտնելու գեթ մի փշրանք ոսկեծույլ իմ մանկության,
Բայց նա կարմիր կրակով հալվել ու հուշ է դարձել,
Չնհալի հետ գարունքվա կարծես երկինք բարձրացել,
Իմ հայրենի դաշտերին ոսկե անձրև է մաղել:
Չգտնելով ոչ մի շիթ իմ հրավառ մանկության,
Փլատակներ ու զոհեր հայրենիքիս պահ տալով,
Արցունքն աչքիս չորացած՝ Սեվանը լի արցունքով,
Մասիսն էլ մեր քարացած, սրտիս վկան քարակոծ,
Թափառեցի ես նորեն երկրից երկիր, ծովից ծով:
Եվ մանկություն կերտեցի օտար ափում ես մի նոր:
Շաբաթական մանչուկս «վա՛յը» գոչեց հայերեն,
Եվ վայը այդ ցավ դարձավ, սիրտս մտավ նենգորեն:
Ու տարեկան իմ որդին վայը տեսավ վայանոց,
Սպիտակը սև դարձած և Գյումրին մեր քարակոծ:

ДЕТСТВО

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

“Вспоминая детство, сердце пьянеет”

Е. Чаренц

И я его следы искал в суровом мире,
Пытался я найти хоть крошку от него.
Но памятью моей оно теперь всё шире,
Как талая вода: ушло – нет ничего.
Моим родным полям оно лилось дождями –
И нивы возросли от тёплых тех дождей.
Я детства не нашёл – оно теперь не с нами.
Доверил предков я лишь Родине моей.
Глаза просохли, но Севан стал полон вскоре.
Масис – свидетель мой – расскажет это вам:
По свету я бродил – от моря и до моря,
В чужом краю слепил своё я детство сам.
Малыш мой громко “Вай!” вдруг крикнул по-армянски
И крик тот в сердце мне вонзился вдруг стрелой,
И “вайаноц” тогда увидел в чёрном глянце:
В руинах и Гюмри, и мой Спитак родной.

ԲՈՂՈՔԱՐԿՈՒՄ ԵՄ ԵՍ ՉԱՐԻ ԴԻՄԱՅ...

*Նվիրում են երկրաշարժից զոհված
իմ հարազատների հիշատակին.*

Ղրաշք է, Տեր իմ, քո օրհնությունը չի հասնում հային,
Գուցե և երբեք դու չես էլ օրհնե՞լ այս դժբախտներին.
Թողնելով բախտի քմահաճույքին որոգայթներում
անդիմադրելի՝

Պարծել է կենտրոն փորձարարական Հայաստանն ու Հայ:
էլ ինչպե՞ս, ասա, հավատանք բարուն, հավատանք լավին:
Սարդարապատ ու եղեռն վերքերը դեռ չսպիացած,
Քառասունմեկ-քառասունհինգը հոգում ծանրացած,
Անգա՛ծ գնացա՛ծ դարերը եթե իրար տանք նորեն,
Գումարենք նրանց Սունգայիթ, Արցախ...

էլ ի՞նչը մնաց, էս ինչի՞ հասանք,

ՕՖ, Տե՛ր զորավոր, դու անգութ Աստված:

Նոր փորձությունը տեղին չեր բնավ, նենգ ու անիրավ:

Քար ու քանդ արվեց մարդկանց տուն ու սյուն,

Ավերակ դարձավ հայ ու հայություն,

Երեվի քա՞ղցր է արյունը հայի,

Որ լափում են միշտ, ինչպես վայրենի,

Եվ շրթունքներով իսկ արնաշաղախ

Պարերի խորքից բնաջնջում են հային:

Քայց, արի ու տես, դու Ամենագոր,

Դու էլ երբեմնի անճար ես մեր դեմ:

Քանզի մենք միշտ ենք ուս ուսի տված,

Ինչպես վեհ Մասիսն ու լեռն Արագած,

Որ կարծես նրանք անթիվ ցավերից ,

Լրիվ ձերմակել ասես քարացել:

Բայց սրտի խորքից Արաքս են լացել,
Ու հայի աչքի արցունքը՝ գոհար Սևան է դարձել:
Եվ աչքերը թաց, սիրտը քարացած, հայը որբացած
Աղաչում է քեզ, աղերսում է քեզ՝ «Փրկիր, տեր Աստված»:
Հերիք է ինչքան դավեր դավվեցին, արյուն լափեցին:
Հերիք է ինչքան անմեղ մորթեցին, անտուն թողեցին.
Սպիտակը սև դարձրին հավերժ, Գյունրին՝ գերեզման,
Հողաթումբ դարձան և հազար աչքեր անմեղ մանկության,
Ծաղիկ հասակում քա՞նի-քանի կյանք խլվեցին անդարձ,
Քա՞նի-քանիսն էլ հոշոտվեցին, դեռ աշխար չեկած:
Մի թե՞ ծարավ կա էլի արյան հորդումի,
Մի թե՞ էլի է դավեր դավվելու իմ հայի շեմին,
Մի թե՞ այնքան էր մեղքը շատ հայի՝ քավելն անհնար,
Որ չհանդուրժվեց, քար ու քանդ արվեց մի չքնաղ աշխարհի
Մի թե՞ հա՞յն է միշտ մատաղացուն աշխարհի առաջ:
Լսեցե՛ք, մարդիք ամբողջ աշխարհի.
ԲՈՂՈՔԱՐԿՈՒՄ ԵՄ ԵՍ ՉԱՐԻ ԴԻՄԱՑ...

Я ПРОТЕСТУЮ ПРОТИВ ЗЛА ...

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

*Посвящаю пострадавшим
от землетрясения в Спитаке*

Твоё благословенье, Боже, не достигает до армян.
А может, этих ты несчастных совсем и не благословил,
Оставив просто без надежды в водовороте судеб стран
И сделать центром испытанья Армению благоволил?
Как в доброту, благоразумье поверить сможем мы теперь?
Сардарапата, геноцида ещё не затянулся шрам.
Отечественную мы помним – не позабыли мы, поверь.
И Сумгаита, и Арцаха не позабыть вовеки нам.
И что ещё, скажи, осталось? Бездушен ты, о, Боже мой!
И вовсе в жизни неуместны все испытания твои:
Здесь нет и камушка на камне – здесь всё разрушено тобой.
Быть может, кровь армян по вкусу такой достойна вдруг
любви,
Что пожирают, словно звери, её всегда со всех сторон.
И вот кровавыми своими губами сквозь века, года
Они пророчат смерть армянам. “Что Бог? – кричат. –
Бессилен он!”
Но, как Масис и Арагац, мы стоим плечом к плечу всегда.
А горы от несносной боли седыми стали навсегда
И из глубин души веками успели выплакать Аракс.
И слёзы всех армян – в Севане, а не прозрачная вода.
Армяне с мокрыми глазами всегда испытывают страх.
Вредут бездомные армяне, их души сломлены, сердца,

Тебя упрасивают, Боже (ты видишь — души их в крови):
“Спаси, спаси ты нас, Всевышний, мы умоляем без конца:
Кровопротилье, злодеянья против армян останови!
Ведь жертв невинных и бездомных вполне достаточно тебе:
Гюмри стал кладбищем народа, Спитак навеки почернел”.
Для всех армян вполне довольно всех прежних
горестей в судьбе...

Надгробных холмиков так много из детских глаз
и детских тел.

А сколько их тогда погибло, ещё родиться не успев!
И неужели в этом мире кровопротилье жажда есть
И у армянского порога — вновь смерти страшной той посев?
Неуж-то грех такой великий, что не отпущен?

Только месть?

И неужели все армяне — как жертва Богу за весь мир,
И всю Армению разрушить наш Бог задумал вдруг дотла?
И неужели он допустит — он, Бог великий, наш кумир?..
Услышьте, люди мира, голос:

Я ПРОТЕСТУЮ ПРОТИВ ЗЛА...

ԷՏՅՈՒԴ

Գարունը սկսում էր թևակոխել իր իրավունքների
սիրապետության սահմանագծից ներս:

Սկսվել էին ձյունախառն անձրևներ տեղալ, իսկ ձմեռը
չէր էլ մտածում զիջել իր իրավունքները:

Միևնույն է, հողը թեթևանում էր իր մակերեսային ճնշում-
ից և ազատագրումից խենթացած իր ողջուններն էր հղում
իր ազատարարին, արևային համակարգի իր սիրելիին:

Պոռթկունից էր, որ ծյան տակից իրենց գլխիկները դուրս
ցցեցին ձնծաղիկները:

Գարնան առաջին ճիչը իր առաջին ծնունդով, բայց՝ ...
Բայցը մնաց անպատասխան իր խորին իմաստով:

Գարնան գալու հետ կտրվեց ծաղիկ հասակուն այն
բաժնի կյանքի թելը, որ նոր էր կյանքի կոչվելու, նոր էր
ծաղկելու, և ո՞վ գիտի թե՛, ո՞վ կամ ի՞նչ կդառնար նա կյանքուն,
ո՞նչ կտար կյանքին, ժամանակակից մարդու պահանջներ-
յն ինչո՞վ պիտանի կլիներ, բայց՝ ...

Չհասցրեց, հողաթունը դարձավ, երևի ինչ որ մեկի
անեծքով գետինը մտավ, գնաց, հավասարվեց հազար
տարվա մեռելներին, տասնվեցը դեռ չբուլորած, հողի հետ
հող դարձավ, քարի հետ քար, ջուր դարձավ ձնհալի՜ն, արևով
երկինք բարձրացավ, ծաղկեց, բայց այս անգամ հողից
բուրեց, որպես գարնան մանուշակ, կակաչ, կամ ո՞վ գիտե:

Մայրը լացում էր անդադար, լացում էին բուլորը, և այն
պատանին այ այն անկյունում կանգնած, որ սիրել էր այդ
ծաղիկը, այդ մինուճարին:

Նա հեկեկում էր հոգու ցավից, բայց ուշ էր:

Ի՞նչ անի մայրը, այն խեղճ, դժբախտը, որ որդեգրեց
դեռ բարուրի մեջ, մանուկ հասակից պահեց, պահպանեց
հարազատ մորից էլ լավ, բայց այսօր, այսօր հավաքվել են
բուլորը, ծանոթ անծանոթ, որ այս չքնաղ էակին ճանապար-
հեն հավիտենության գիրկը:

Մայրը ողբում և մազերն էր պոկում, պապը վրա ընկած
շուրթերն էր համբյուրում, աղաչում էր, որ գոնե մի բառ սաի,
թեկուզ և գիտի որ մերժված է թոռան ձայն լսելուց:

Երածիչտները սկսեցին տխուր մեղեդին, և լացի ձայները
ուժեղացան:

Բոլորը վրա ընկան հրաժեշտ տալու:

Դագաղը դանդաղ դուրս բերեցին, բակում խելագա եղանակ էր սկսվել ծյուն ու անծրև էր տեղում:

Մայրը ճչալով դուրս պրծավ սև գլխաշորը ձեռքին.

– Վա՛յ, մրսեց երեխաս, մրսե՛ց: Ո՞ւր եք տանում, անխիղճներ, էս բուք-բորանին:

– Սակայն մնաց անպատասխան:

– Վա՛յ, բալիկ ջան, էս ի՞նչ արիր, բալիկ, անհրավ բալիկ տունս քանդեցիր, դուռս փակեցիր, իմ անխիղճ, անհրավ բալիկ:

Եվ այստեղ լսվեց գլխավոր ռեժիսորի ծայնը.

– Բավական է այսօր, շնորհակալություն, հանգիստ! հայտարարվում մինչև վաղը:

ԻՄ ԱՊ ՈՒ ՊԱՊԵՐԸ

(հատված)

Մինչև օրս ինչքան գեղեցիկ է նկարագրվել իմ նուրբ և սուրբ հայրենիքը, քիչ է:

Ինչքան գեղեցիկ բառեր են ասվել ու գրվել աշխարհի բոլոր լեզուներով նրա մասին, միևնույն է, դեռ չի ասվել և չի գրվել այն, ինչը պետք է ասվի և գրվի: Եվ ես որոնումներ օվկիանոսի փոթորկաբեր ալիքներում լող տվի, ինչպես մորը կորցրած մի երեխա, մի խելացնոր սիրահար, որը լողալով ուզում էր հասնել Արարատի ալեհեր գագաթը և այնտեղից գոռալ աշխարհով մեկ.

– Տեսե՛ք, ա՛յս է իմ աշխարհը, իմ մայրը, իմ տունն ու սրբավայրը: Որ բոլորն էլ այստեղից են ծնունդ առել ու ցրվել

աշխարհից աշխարհ, և, ինչպես մորն ուրացած որդիները, բոլորովին մոռացել են նրա գոյության մասին, ծվատել և քրքրել են նրան:

Այս է իմ Հայաստանը, խոշտանգված հազարամյակներ: Եվ այսօր նորահարս աստվածային մի սրբավայր: Որ ամուր կանգնելով Արարատի գագաթին թքեմ նրանց

ճակատին, ուվքեր կփորձեն մեկ անգամ ևս խոշտանգել և ծվատել նրան, գոռամ ամբողջ աշխարհին, որ ապրել է, կա և ապրելու է դեռ հազարամյակներ իմ վեհաշուք, իմ մայր Հայաստանը, որ գեղեցկադեմ այս դիցուհին դեռ մեզանով պետք է աշխարհներ զարմացնի, որ նա սրբավայրն է րազմազավակ ու բազմատանջ հայության, մի հիասքանչ ստասպելավայր, որ այսօրվա փոքրիկ Հայաստանը մի մեծ լավանիշ դառնա աշխարհին:

Եվ այս սուրբ, չափանիշ աշխարհում՝ թե՛ պատահական, թե՛ մտադրված, 1959 թ-ի օգոստոսի մի նրգառատ առավոտ լույս աշխարհ դուրս պրծա, օդի և լույսի կարոտությունս փափագելու:

Զարմանքից քար կտրած այս զարմանահրաշ աշխարհում, լեզուս պապանձվեց, կարծես պղպեղեցին, ու ես լաց եղա, ճչացի առաջին անգամ և իմ ճչից անգամ վախեցա և վախից էլ զարմացած սկսեցի լացակումած գոռալ: Ասացին. թող առաջին ու վերջին լացս լինի, որ էլ երբեք լաց չլինեն, և ես ժպտացի: Ժպտալուս վրա էլ զարմացա: Եվ ես, որ ծնվել էի աշխար զարմացնելու, մնացի զարմացած և զարմանքը սառեց իմ դեմքին:

Ես ծնվել եմ որպես փաստացի ապացույց, բայց, իրականում, ապրում եմ շատ վաղուց, չգիտեմ էլ, որ պապերիս պապերի մեջ եմ ծնունդ առել իբրև մի չնչին փոշի,

սպիտակուց և փոխարինաբար հասել են խեղճ հորս:

Նրա մարմնում էլ արդեն չտեղավորվելով տեղափոխվել են մայրիկիս արգանդը, որպես սիրո և հավատքի նշան: Մորս արյան հետ էլ կօրգելով պատմությունները նրանցեղի, ազգ ու տակի մասին, իններորդ ամսի, իններորդ օրվա ճիշտ ժամին ու բուսեին ճշալով դուրս պրծա: Մայրս, շուն առնելով, լաց ու ծիծաղ իրար խառնած արցունքներ թափեց ուրախության արցունքներ:

Այս ամենն էլ սեփական աչքերով տեսա և, ոչինչ չհասկանալով, թե՛ ինչո՞ւ է լաց լինում: Լույս աշխարհ տեսնելիս զարմանքի հետ մի քիչ էլ վախեցա, որ այն փոքրիկ փշրանքը կարող էր մարմին դառնալ այն էլ կենդանի: Ես էր, որ ճչացի, դրանից էր, որ լացեցի: Յետո մի ահավոր սուղ զգացի, կարծես քանի հազար տարի չէի սնվել, և հանկարծ մորս կուրծքը զթա՛ այնքան էր անուշ ու համեղ, ինչպես մեր երկրի ջրերը, բուրումնավետ այգիների քաղցրահամ պտուղները, որը հա՛ ուզում ես ուտել:

Եվ հեզորեն ու ճկուն անցան օրեր ու տարիներ: Ես մեծացա: Մեծացա ու մեծ ցավատեր դարձա: Սկսեցի իրական կյանքը հասկանալ ավելի, քան իրականում:

Արցունքներն աչքերիս չորացան, օտարացա, օտար աշխարհներով անցա, եվ զարմանքից չռված աչքերս սկսեցին այս լույս կյանքի խավարը տնտղել, խոհ ու բոհը վերլուծել:

Եվ հազարամյակներ անցած իմ ազգի պատմությունը իրար խառնելով, գումարել բազմապատկելով մեկը մյուսին, ընդհանուր եզրակացության գալ: Վերադարձա՛ ոչինչ չգտա հայրենի հարկի տակ, ասես չի՛ էլ եղել, չկա՛, չեմ էլ ծնվել երբեք:

Եվ օգոստոսի տասնվեցը կորավ, ջնջվեց օրացույցի մեջից, քայց մնաց ուղեղիս մի անկյունում, պահ մտավ, որ այսօր դուրս ժայթքի, ինչպես մի երկու հարյուր հազար տարի առաջ Մասիսի գլխից դուրս ժայթքեց:

Այսօր, երբ բոլորել է մեր թվարկության երկու հազար տարին, իմ ցնդաբանությունները սկսեցին տեղի տալ: Ես ակամայից հիշեցի անցած գնացածը ոչ միայն երկու հազար, այլ մի հինգ հազար էլ հին թվարկության, այն ինչ այս ամենը մեկ է, մի հաշիվ է:

Եվ ես հին ու նորը, իմ հեզ ու քնքուշ Հայաստանի մասին պետք է փոխանցեմ նոր հազարամյակներ՝ իմ թոռ ու ծոռի միջոցով, որ կա՛, եղել է և պիտի՛ ապրի իմ Հայաստանը, թե ինչքան է քաղցր ու անուշ, մոր կրծքի կաթի նման, ինչքան է նա գեղեցիկ այսօր և ինչքան է գեղեցկանալու մինչև իրենց հասնի:

СПОР ДВУХ БОГАЧЕЙ

(Сказка)

Однажды два богатых человека поспорили между собой.

Один говорит:

— Богатство — это сила и хитрость.

А другой отвечает:

— Я не согласен. Это — от ума и честности.

Долго они спорили, но так и не смогли понять, почему так много в мире бедных и так мало богатых. Завит, и силой, и умом обладают только избранные.

Услышал их спор мудрец и сказал:

– На всё воля Божья. Вот на окраине села живёт пастух: день – сыт, а месяц –

голоден. Он каждый день прогоняет стадо через мостик. Рассыпьте по мостику золотые монеты – и посмотрим, что произойдёт.

Жалко богачам денег, но по случаю спора они согласились на это.

Как только пастух появился вдали со своим стадом, они рассыпали по мостику золотые монеты, а сами спрятались неподалёку, преварительно договорившись, что в любом случае деньги достанутся пастуху.

И вот уже пастух прогоняет своё стадо с криком и свистом по мостику. А сам проходит по нему, не поднимая ни одной монеты, счастливый и радостный.

Вышли спорщики из укрытия, остановили пастуха и спрашивают его:

– Пастух, когда ты шёл по мостику, там ничего не заметил?

Пастух отвечает:

– Знаете, я всю жизнь мечтал пройти по этому мостику с закрытыми глазами, и

вот сегодня впервые мне это удалось сделать! Поэтому я так рад.

– И ты не увидел золота, рассыпанного по всему мостику?!

Собрал мудрец монеты, отдал все их пастуху и сказал спорщикам:

– У каждого своя судьба и удача, и на всё воля Божья!

Владимир ВАРТАНЬЯН

Вартаньян Владимир Эммануилович родился в 1938 году в городе Ялте (Крым) в семье служащих. С 1941 по 1944 год находился там на временно оккупированной фашистской Германией территории. Как сын отца-еврея в этот период преследовался эсэсовцами (побывал в гестапо и концлагере), а как сын матери-армянки в июне 1944 года был депортирован из Крыма на Южный Урал, где ребенком провёл двенадцать лет в сталинской ссылке.

По образованию Вартаньян В.Э. – инженер-строитель, по призванию – педагог, а в душе – поэт-лирик. В периодической печати он начал публиковаться в 1958 году. Пишет стихи и прозу на русском языке.

Владимир Вартаньян работал несколько лет инженерно-техническим работником на строительных площадках, а затем перешёл на педагогическую работу в строительный техникум. В настоящее время он живет и работает в г. Бахчисарае.

Вартаньян В.Э. – член Национального Союза писателей Украины (поэт, прозаик и переводчик). К настоящему времени им издано четырнадцать книг: восемь поэтических сборников, пять повестей и один сборник рассказов. Владимир Вартаньян переводит стихи с двадцати пяти европейских языков и с тринадцати языков народов нашей страны, пишет стихи на нескольких иностранных языках.

Кроме того, он перевёл на английский язык свою повесть «Дочь Адама и Евы» и ряд собственных стихов – на английский и украинский языки.

По инициативе Вартаньяна В.Э. в октябре 2002 года создана Ассоциация крымских армянских литераторов.

СТАРШЕМУ БРАТУ

Эдуарду Асадову в день 80-летия

Старший брат по перу,
брат по крови и родине,
Я сегодня пишу
эти строки тебе:
Тех военных дорог,
что тобой были пройдены,
Хватит нам и двоим
в этой горькой судьбе.

А когда ты стоял
за мою землю крымскую,
Я тогда замерзал
в приуральских степях.
Ты свободу мне дал —
тебе кланяюсь низко я
И прощенья прошу
за испытанный страх.

Но с тех пор ты весь мир
видеть можешь лишь в памяти:
Свет, цветы, неба синь
ты запомнил навек.
Не сломили тебя
все житейские замяти —
Ты живёшь и творишь,
близкий мне человек.

Обнимаю тебя —
 будь со мной годы долгие,
Будь здоров, счастлив будь
 ты на этой земле.
Я желаю тебе,
 чтоб глаза твои волглые,
Как и прежде, могли
 видеть радость во мгле.

БАХЧИСАРАЙ

(Заключительный сонет из венка)

Взметнулись в небо минареты,
Глядят на каменный пустырь.
И сквозь туманные рассветы
Встает пещерный монастырь.

Где тесных улочек сплетенье,
Как ручейки на склонах гор,
Давно прошедшие мгновенья
Еще там живы до сих пор.

И в глубь веков умчались годы,
Сменялись многие народы,
А городок всё так же мал.

Переплелось бывшее с новым.
Бахчисарай средневековый
Лежит в долине между скал.

СМЕРТЬ СКРИПКИ

За окном всю ночь рыдала скрипка
Так надрывно, словно чуя смерть.
Её корпус извивался гибко
Через всю земную круговерть.

И наплыли вдруг воспоминанья —
О тебе, о жизни, о любви.
Но опять слышались стенанья,
Разрывая душу, всю в крови.

Умирала скрипка, надрываясь,
И никто не может ей помочь...
Звуки эти, будто бы взрываясь,
Прорезают своим криком ночь.

Смолкла скрипка. Но струной последней
Издала прощально-тихий звук:
Он умчался звёздочкою бледной
В вышину. И стало тихо вдруг...

* * *

Им виз¹ устала
носить повсюду
Кувшин
никчёмной головы.
Кынэл² хочу я,

но ждать я буду –
Плевать хочу
на глас молвы.

Ко хот³ мне снится,
ануш буйр⁴ снова,
Но в этом нет
твоей вины.
Спитак⁵ твой облик –
как цурт бан⁶ слово,
А мне теперь
эт чи лины⁷!

Вазэл⁸ куда мне?
В какие дали?
Шиншарутюн⁹
мне давит грудь.
Мне нет прощенья,
и я в печали,
Как поторик¹⁰,
закончу путь.

И тэсутюн¹¹ мне
теперь лишь снится –
Линэл¹² с тобой
я не могу.
Промчится время
звнящей птицей –
Я пред тобой
всегда в долгу.

Мышум¹³ тревожит
мой ум с похмелья,
Отдайте шиш¹⁴ –
я человек!
Не надо больше
любви, веселья:
Мне жамацуйц¹⁵
пробили век.

Мой пар¹⁶ закончен,
шарач¹⁷ наскучил,
И хайели¹⁸
не нужно мне.
Пойду и брошусь
с высокой кручи
На поиск
счастья в вышине...

¹Моя шея (арм.)

²Спать (арм.)

³Твой запах (арм.)

⁴Сладкий аромат (арм.)

⁵Белый (арм.)

⁶Холодное какое-то (арм.)

⁷Назад нельзя (арм.)

⁸Бежать (арм.)

⁹Дыхание (арм.)

¹⁰Буря (арм.)

¹¹Свидание (арм.)

¹²Быть (арм.)

¹³Туман (арм.)

¹⁴Бутылку (арм.)

¹⁵Часы (арм.)

¹⁶Танец (арм.)

¹⁷Шум (арм.)

¹⁸Зеркало (арм.)

ЯЛТИНСКИЙ ВАЛЬС

Эталита, Джалита, Ялита –
Так звалась ты на трех языках.
Синим морем и солнцем облита,
Ты стоишь на родных берегах.

Всюду горные травы и камни,
Свежий лист виноградной лозы,
И разносится запах недавней,
Отшумевшей над морем грозы.

Эталита, Джалита, Ялита
Родилась в плеске ласковых волн.
То ли небом здесь море облито,
То ли морем весь воздух тут полн.

Волны плещут на пёструю гальку,
Ветер где-то притих за скалой.
Расставаться с тобой будет жалко –
Навсегда б мне остаться с тобой!

Эталита, Джалита, Ялита,
Ну, давай вместе с морем споём:
Ничего мною здесь не забыто –
Сохранилось всё в сердце моём.

Пусть же радостью в сердце мне брызнет
Твой хрустальный и пенный прибор –
Как всегда, только ты в моей жизни
И душой я, как прежде, с тобой!

ЯЛТИНСЬКИЙ ВАЛЬС

(Переклад із російської автора)

Еталіта, Джаліта, Яліта –
Твоє ім'я на мовах в віках.
Синім морем і сонцем облита,
Ти на рідних стоїш берегах.

Скрізь гірські тут каміння і трави,
І поля молодої лози,
Розплескався тут запах, як в травні,
Пролетнвшої морем грози.

Еталіта, Джаліта, Яліта
Народилась із хвиль в одну мить.
Чи то небом тут море облите,
Чи то море в повітрі висить.

Хвилі плещуть на гальку, гуркочуть,
І за скелью вітер приник.
Розпрощатись з тобою не хочу –
Залишитись з тобою б навик.

Еталіта, Джаліта, Яліта,
Ми співаємо з морем мій твір:
Тут нічого в душі ще не змито –
Залишилося в серці, повір.

Хай мені в серце кожну годину
Плеще твій кришталевий прибір –
Як завжди, у житті ти єдина,
І з тобою я в мент будь-який.

ПЛОХАЯ МАМА

(Отрывок из повести)

Уставшая бороться со сложившейся ситуацией, Мирра всё чаще мечтала о спокойной жизни, о простом человеческом счастье, о добрых взаимоотношениях в семье. Ей хотелось обыкновенной ласки, добрых и нежных слов. Вот уже несколько лет она живёт совершенно одна в двухкомнатной приватизированной квартире. Правда, её дочь Елена и её семилетняя дочурка Леночка тоже были прописаны в этой квартире, хотя и живут постоянно в Симферополе.

Так как брак Елены и Сергея не был официально зарегистрирован, она для органов власти считалась матерью-одиночкой и получала незначительное ежемесячное пособие на содержание ребёнка. Правда, вместе с её пенсией по состоянию здоровья это была очень маленькая сумма. Несколько раз Елена устраивалась на работу, но каждый раз её очень скоро увольняли за пьянство.

В конце концов Елена решила вести «свободный» образ жизни: пьянствовала, встречалась с какими-то мужчинами из своего круга глухонемых, часто и надолго исчезала из дома. Мирра не всегда знала о похождениях своей дочери, поэтому довольно часто как бы являлась соучастницей неправильного поведения своей дочери: давала ей деньги и продукты питания, покупала ей модную одежду, одевала внучку. Всё это делалось из самых добрых материнских побуждений, но обычно чуть позже прояснялось, как правило, истинное положение дел, и Мирра очень страдала морально...

Последние похождения Елены закончились тем, что она приехала к матери в Бахчисарай рожать второго ребёнка.

Сергей считал, что это его ребёнок, как и Леночка, и поэтому тоже приехал вместе с ней.

Мирра подняла на ноги всех своих знакомых, чтобы лучше устроить дочь в родильном отделении районной больницы. За Еленой был установлен прекрасный уход, но когда она родила сына, то тут же решила отказаться от него.

Мирра, конечно, никак не могла согласиться с этим, и от неё потребовались огромные усилия, чтобы воспрепятствовать этому. И хотя Елена даже хотела тайком бежать от своего ребёнка, из больницы её выписали вместе с сыном.

Мирра совсем недавно похоронила свою маму. Её нервная система была совершенно расстроена, потому что мама последние несколько месяцев была прикована к постели и находилась всё время у Мирры. Правда, у Мирры были два младших сводных брата-близнеца, но у них семейная жизнь складывалась очень трудно, и поэтому они практически не принимали участия в уходе за больной старой матерью.

И вот Елена со своим сыном поселилась у матери: ну, куда ей ещё можно было пойти? К сожалению, её бесшабашная жизнь привела к тому, что она совершенно не имела грудного молока, поэтому мальчик, которого мать и дочь называли Николаем, получал только искусственное питание.

Так как Мирра получала мизерную пенсию по возрасту, она вот уже несколько лет торговала на близлежащем вещевом рынке. Это позволяло ей обеспечить себе довольно сносную жизнь и оказывать помощь дочери. Правда, эта «работа» ей давалась очень нелегко: каждый день в начале восьмого утра Мирра тащила на рынок огромную тележку значительной массы, предварительно спустив её на улицу по лестничной клетке дома, целый день в любую погоду стояла на ногах

на рынке, а вечером затаскивала свою тележку в квартиру. Конечно же, она была уже очень уставшей и надеялась, что дочь хоть чем-то будет ей помогать. Но Елена ничего не делала: она просто ожидала, когда мать возвратится с «работы», приготовит ужин и накормит её и ребёнка.

Мирра нервничала.

Иногда к ним из Симферополя приезжали Сергей и Леночка, но они совсем недолго оставались у Мирры. После одного из таких приездов Мирра обнаружила, что у неё исчезла из квартиры незначительная сумма денег. Она терялась в догадках: «Кто их взял? Сергей? Елена? Или... Леночка?».

Позже Мирра прибегла к некоторым маленьким хитростям, которые позволили ей установить, что Елена и Леночка просто воровали у неё деньги: Елена — достаточно крупные суммы, а Леночка — понемножку. Мирра не стала устраивать разбирательств, не упрекала их, а просто попросила Елену собрать свои вещи, взять ребёнка и уехать в Симферополь, где у неё всё-таки была какая-никакая квартира Сергея.

В первый момент Елена попыталась состроить обиженную мину, но мать сумела разъяснить ей, что так жить вместе дальше нельзя.

На том они и расстались...

Мирра достаточно много лет прожила одна в этой квартире и вполне привыкла к одиночеству. Поэтому присутствие здесь Елены с Коленькой и нечастые наезды Сергея с Леночкой в какой-то степени раздражали её. Но только стоило Елене уехать, как Мирра почувствовала себя совершенно одинокой.

В один из вечеров, когда ей совсем загрустилось, Мирра,

сидя на диване и отрешенно смотря на экран телевизора, начала перебирать в памяти события последних лет своей жизни: трудные годы учёбы Елены в специальной школе для глухонемых в Феодосии, болезнь и смерть мамы, выходки Елены... И вдруг отдельной светлой страницей в её воспоминаниях возник образ некоего Игоря, с которым она несколько лет работала в одном учебном заведении. В общем-то их ничто не связывало. Так, всякая мелочь: общие собрания трудового коллектива, небольшие посиделки за праздничным столом по «красным» датам календаря (иногда – и с выездом на природу), два-три раза танцевали на этих посиделках, обычное «Здравствуйте!» при встречах – вот, пожалуй, и всё.

Правда, однажды, когда все засиделись за праздничным столом допоздна, Игорь вызвался проводить Мирру до дома. Она не отказалась от этого предложения. Когда они поднялись на третий этаж, Мирра своим ключом открыла входную дверь квартиры. Игорю это сказало о том, что дома никого нет.

Они удобно устроились на диване. В комнате царил полумрак: только пучки света проникали в неё через дверной проём из прихожей. Квартира оказалась четырёхкомнатной. Мирра начала рассказывать о себе: как она жила, как живёт теперь, в соседней комнате лежит прикованная к постели её мама, дочь учится в Феодосии, два сына служат в армии... Выяснилось, что оба сына Мирры когда-то были выпускниками Игоря, а жена Олега, Валентина, даже училась в одной группе с ним. Дети довольно часто вспоминают о своём бывшем преподавателе.

Через некоторое время Мирра поставила на журнальный

столик возле дивана две чашечки с дымящимся чёрным кофе. Игорь стал рассказывать ей о себе.

Мирра почему-то тяжело и очень жалобно вздохнула. Игорь без всяких определённых мыслей притянул её к себе, как бы обнимая. Мирра придвинулась к нему. И, хотя в полутьме не было видно выражения их лиц, им обоим показалось, что они понимают друг друга. И даже можно было подумать, что они оба рассчитывают на что-то большее в этот тихий вечер.

Но у входной двери резко затрещал звонок. Мирра пошла открывать дверь, а через несколько минут она вошла в комнату с довольно миловидной молодой женщиной и, включив свет, сказала:

– Игорь, познакомьтесь, пожалуйста: это моя дочь Елена. Она приехала в гости из Симферополя.

Игорь поднялся с дивана, слегка поклонился гостье, а потом сказал:

– Ну, что ж? Мне, пожалуй, пора идти.

И он ушёл...

Мирра сейчас очень сожалела о том, что в тот вечер именно так сложилась ситуация. Но позже, почти через год, ей довелось вместе с Игорем присутствовать на похоронах их общего знакомого. После поминок в городском кафе Игорь снова вызвался проводить Мирру. И она снова не отказалась от этого: ей хотелось поделиться с этим человеком своими грустными мыслями о том, что она совсем недавно похоронила свою маму. И ещё: ей представилась возможность показать Игорю свою новую (правда, очень старую) двухкомнатную квартиру (она просто обменялась квартирами со своими детьми – Олегом и Вален-

тиной, у которых уже подросстал довольно взрослый сын – Константин).

Игорю эта квартира не очень понравилась: маленькая прихожая, комнаты проходные, кухня тесная...

У Мирры нашлась небольшая бутылочка коньяка и кое-какая закуска. Поэтому они вдвоём продолжили поминки, но теперь уже – её мамы. Был уже довольно поздний час, и Игорю необходимо было идти домой, где его давно уже ждалась законная жена – Марина. Однако взгляд Мирры, выражение её глаз и даже её поведение приглашали Игоря побыть здесь ещё хотя бы некоторое время. Под воздействием хмельного Игорь принял решение:

– Мирра, если ты меня не выгонишь, то я сегодня останусь здесь!

Она недолго помолчала, а потом подошла к нему и поцеловала его прямо в

губы. Он всё понял.

– Посидим ещё немного, – сказала Мирра, – я что-то сегодня очень устала.

– Просто расстроилась с этими похоронами и воспоминаниями о маме, – тихо сказал Игорь. – Посиди. Отдохни.

Мирра мужественно пыталась направить свой взгляд на экран включённого телевизора, но глаза почему-то не слушались её: веки неумолимо смыкались (наверное, от избытка выпитого). Через некоторое время Игорь услышал мирное посапывание Мирры. Тогда он принёс из соседней комнаты подушку, уложил Мирру на диване, оделся, «изучил» действие дверного замка, вышел и захлопнул за собой дверь.

Нелли ГРИГОРЯН

Григорян Нелли Овсеповна родилась в 1953 году в городе Ереване (Армения).

Закончив факультет филологии Ереванского государственного университета, работала учителем армянского языка и литературы в разных школах Еревана. Затем была сотрудником Общества культурных связей с армянами за рубежом, преподавала в Армянском педагогическом институте им. Х.Абовяна и на курсах армянского языка Лазаревского института (г. Москва).

Нелли Григорян в 1993 году приехала в Крым в качестве приглашённого специалиста. Она стояла у истоков создания в Крыму радиопередач «Аракьял луйси» и «Сердце моё в горах», телепередачи «Барев», ответственным редактором и ведущей которой была до своей трагической смерти 2 мая 1997 года.

Григорян Н.О. посмертно была удостоена премии им. А.Спендиарова за выдающийся вклад в культуру крымских армян.

Писать стихи и прозу Нелли Григорян начала со школьной скамьи, печаталась в республиканских газетах и журналах Армении. Писала она на армянском языке.

О её произведениях, созданных в более зрелом возрасте, хорошо отзывались армянские литераторы старшего поколения: Ваагн Давтян, Сильва Капутикян и Грант Матевосян. Но сама Григорян Н.О. не торопилась публиковать свои произведения, надеялась найти свободное время и довести их до окончательного варианта. К сожалению, сделать это ей не удалось...

ЭКСПРОМТЫ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

* * *

Փորձիր դու նայել աչքերիս՝
Կտեսնես տառապանք ու սեր,
Փորձիր մոտենալ շուրթերիս
Դու կզգաս արյան համ ու սեր:

* * *

Попробуй посмотреть в глаза мои —
Страдание и любовь увидишь в них.
К моим губам приблизься ты на миг —
И ощутишь вкус крови и любви.

* * *

Աշխարհը փլվեր,
Արեւը հալվեր,
Լուսինը դառնար
Մի կտոր սառույց...

* * *

Если б мир разрушился до дна,
Если б солнце вдруг не стало сочным,
Если б стала жёлтая луна
Голубого льда немим кусочком...

* * *

Թող, թող, հեռացի՛ր,
Ես ստու՛մ եմ քեզ,
Ես ստե՛լու չափ
Դեռ սիրու՛մ եմ քեզ:

* * *

Оставь, оставь и уходи —
Так ненавижу я тебя.
Хоть ненавижу я тебя,
Но всё ещё тебя люблю.

* * *

Տու՛ր ինձ աչքերդ,
Ու ես կու՛նենամ հրաջօ մի աշխարհ:
Տու՛ր ինձ ձեռքերդ,
Որոնց ջերմությամբ սիրտս է տափացել,
Երբ սառն հայացփից պաղել է հանկարծ:
Տու՛ր ինձ աշխարհդ, որ բոնն է միայն,
Իսկ ես, ավաղ, քեզ տալու դեռ ոչինչ չունեմ,
Զանի որ դու ես, ես չկամ դեռ, սե՛ր...

* * *

Свои глаза, любимый, мне отдай –
И обрету чудесный мир тогда я.
И руки мне свои, любимый, дай,
Чьей теплотой согрелась я, сгорая.
Холодный взгляд когда остудит вдруг,
Дай мне твой мир, твой мир, богатый снами.
Не дам взамен я ничего, мой друг:
Ты – здесь, я – нет, но есть любовь меж нами.

* * *

Վե՛րջ տուր,
Մի՛ լացիր,
Ես գիտեի, որ դու չես կարող,
Ես գիտեի ու վճռեալ էի քեզ,
Բայց դու չէիր կարող նաեւ հեռանալ:
Դե էլ մի՛ լացիր,
Դու հեռացել ես,
Արդեն արել ես գործի կեսը:
Ուրեմն մի՛ լացիր,
Սրբի՛ր արցունքներդ, սիրելի՛ս,
Ու նայիր մարդկանց
Պարզ, շիտակ նայիր:
Ու խղճա մարդկանց,
Որ չունեն նրանք քեզ,
Որ չունեն նրանք ինձ...

* * *

Ну, прекрати, любимый мой, не плачь –
Я знала, что ты так уйти не сможешь.
Я знала всё, но прогнала тебя,
А ты вот так не смог уйти ведь тоже.
Ну, хватит, милый, больше ты не плачь.
Ушёл уже – и сделал ты полдела.
Тогда заплачь и слёзы ты утри
И на людей взгляни открыто, смело.
Людей сегодня пожалей, любя, –
У них ведь нет меня и нет тебя.

* * *

Ես սիրում եմ քեզ,
Ես...
Մի՛ ասա, միեւնույնն է,
Ես սիրում եմ քեզ,
Մի՛ ասա, ես այրվում եմ
Միրո հուրերում,
Մի՛ ասա, թե տանջվում եմ
Միրո բոցերում,
Ես սիրում եմ քեզ,
Ես ուզում եմ քեզ...

* * *

Я люблю тебя, я...
Помолчи, всё равно
Так люблю я тебя.
Не скажи, что давно
Ты сгораешь в огне
Том любовном подчас,
Что страдаешь по мне
Ты безумно сейчас.
Так люблю тебя я,
Так хочу я тебя...

* * *

Ծուրթերս իմ սեր
Ճատ մաֆուր էին,
Բայց դու ցանկացար
Եվ ես տվեցի...
Ու դու պղծեցիր
Ծուրթերն իմ մաֆուր,
Ո՞ր մեղքիս համար,
Որ սիրո՞ւմ էի...

* * *

Мои губы, любимый,
Очень чистыми были.
Только вот захотел ты —
Их тебе отдала я.

Так зачем осквернил ты
Мои чистые губы?
За какую провинность? –
Лишь за то, что любила?

* * *

Դու ուզեցիր, որ ես գոռամ
Ու ծանկոտեմ ես հողը այս,
Ու կաղկանձեմ կաղ շան նման...
Դե արի տես, թե ինչպես եմ ես կաղկանձում,
Թե ինչպես եմ գոռում, ծանկոռում,
Դե արի տես, եթե դա է բո ուզածը...

* * *

Ты захотел, чтоб я скулила
Хромой собакой и кричала,
Чтоб эту землю я скребла.
Так я скулю, скребу, кричу я.
Приди – и ты увидишь это,
Коль в том мечта твоя была

* * *

Ես թողեցի, որ համբուրես իմ ջուրթերը,
Ես թողեցի, որ գուրգուրես իմ այտերը,
Ես թողեցի, որ իմ հոգին առնեն բո կոշտ ափերի մեջ:
Ու դու ձանձրացար ինձ համբուրելուց,
Ու դու ձանձրացար ինձ գուրգուրելուց,
Հոգիս ափերիցդ նետեցիր վար
Ու կոխտեցիր բո կոշտ ոտներով...

* * *

Я позволила тебе мои губы целовать,
Я позволила тебе мои щёки обласкать,
Я позволила тебе мою душу в руки взять,
Чтоб в ладонях грубых ты мог её и подержать.
Надоело лишь тебе мои губы целовать,
Надоело лишь тебе щёки нежные ласкать,
Разомкнул ладони ты, мою душу потерял
И ногами её в грязь ты безжалостно втоптал.

* * *

Փողոցում կաղկանձում էր մի կաղ ջուհի,
Իսկ իմ սիրտը դողում էր այստեղ,
Փողոցում հայհոյում են Աստծուն,
Իսկ իմ սիրտն աղոթում է ներսում...

* * *

На улице скулит побитая собака,
А сердце моё здесь трепещет, как в огне.
На улице во всю ругают люди Бога,
А сердце моё здесь и молится во мне.

* * *

Փորձեցի ես նայել արեւին,
Ուզեցի այրվել այդ հրով:
Ուզեցի խճճվել մազերիդ մօտ,
Ուզեցի սուղվել աչքերիդ անհունում:

* * *

Захотела взглянуть на палящее солнце,
Захотела сгореть в его пекле огня...
Вот запутаться б лишь мне в твоей шевелюре,
Захотела нырнуть в бездну глаз твоих я.

Դե հեռացի՛ր, հեռացի՛ր,
Դե գնա, էլ ետ մի՛ նայիր,
էլ ետ մի նայիր, էլ ետ մի նայիր,
Մի՛ նայիր, մի՛ նայիր, մի՛ նայիր...
Դե գոռա, գոռա, եթե ուզում ես,
Գոռա, թե չէ կպայթի սիրտդ,
Լաց եղիր, թե չէ էլ չի հոսի արյունդ:

* * *

Ну, теперь уходи, уходи,
Уходи и назад не гляди,
Не смотри ты назад только вновь.
Ну, теперь, если хочешь, кричи,
Чтоб не лопнуло сердце в ночи,
И поплачь, не застыла чтоб кровь.

* * *

Տուր ինձ աչքերդ,
Ու ես կունենամ մի հրաշք աշխարհի:
Տուր ինձ ձեռքերդ,
Որ քարձրացնեմ ու տանեմ հեռու,
Հեռու այստեղից,
Խղճուկ մարդկանցից,
Որ խրխնջում են տեղի, անտեղի,
Բարություն անում տեղի, անտեղի,
Տուն են կառուցում չիմանալով,
Թե ինչի՞ համար
Կամ թե ու՞մ համար...

* * *

Твои глаза мне, милый, дай –
Приобрету я мир чудесный.
Дай руки мне – поднимут пусть
И унесут меня далёко,
Подалее от тех людей,
Что ржут и к месту, и не к месту,
И так же делают добро
И строят дом, совсем не зная,
Ни для чего, ни для кого.

Пётр КАЗАНЧАНЦ

Казанчанц Пётр Татосович родился в 1931 году в городе Самарканде (Узбекистан).

В 1954 году закончил исторический факультет Самаркандского государственного университета им. А.Навои.

Работал в Самаркандском областном комитете Компартии Узбекистана в отделе науки и учебных заведений, преподавал в Самаркандском архитектурно-строительном институте, заведовал кафедрой в Самаркандском кооперативном институте.

В 1981 году Казанчанц П.Т. переехал в город Симферополь. Преподавал в Симферопольском государственном университете им. М.В.Фрунзе. Пётр Казанчанц – учёный, член Крымской академии наук. Им издано несколько книг: «Жизнь, как она есть» (афоризмы), «Я познаю жизнь» (афоризмы для детей, книжка-раскраска), ряд научно-исследовательских работ. Пишет на русском языке.

АФОРИЗМЫ

Алмаз в оправе золотой играет,
А ум своею скромностью блистает.

Брея голову — мысли не соскоблишь.

Будь осторожен, коль сболтнёшь,
Обратно слово не вернёшь.

В долгих спорах
Отсыревает истины порох.

Вечное — всегда современно.

Вино гасит разум и совесть.

Враг красоты — время.

Время создаёт и разрушает,
Время осуждает и прощает.

Все разрушается, что создала рука,
И только мысль проходит сквозь века.

Говори, но думай о последствиях.

Горя на земле — сколько хотите,
А счастье всегда в дефиците.

Дети — наше будущее и оно обманчиво.

Добродетельная жена мужа возвышает,
А сварливая — унижает.

Если ты счастлив с другой в постели —
Такое счастье жена не разделит.

Желанья сочетай с возможностями,
Иначе возможны всякие сложности.

Жена — это крылья мужа,
Которые могут вознести на небо
или бросить в лужу.

Женщина — загадка,
которую сама женщина не может разгадать.

Женщина — не женщина
без мужского внимания.

Женщиной повелевает ее сердце,
а мужчиной — голова.

Женщину красит скромность,
а мужчину — терпение.

Жизнь — непрерывная цепь возможностей
и упущений.

Жизнь без любви достойна сожаленья.

Забот у бедняка премного, ну хоть плачь,
Но более забот имеет всё-таки богач.

Завистливый человек всегда найдёт,
кому позавидовать.

Затаённая злоба опаснее открытой ненависти.

Звери, общаясь с людьми добреют,
А люди, общаясь друг с другом, нередко звереют.

Здоровье искать начинаешь,
Когда его потеряешь.

Зло совершается легко,
творить добро — потяжелей.
Ты помни, друг, и разумеи:
что трудно — сделай побыстрей.

Знания приумножают страдания.

И великий человек, который многое знает,
Немало ошибок совершает.

И дурак умным кажется, пока молчит.

И меня бы за мудреца считали,
Если б все остальные куда-то пропали.

Иногда прошлые грехи возвращаются,
чтобы исковеркать твоё будущее.

Искренность зачастую приносит горькие плоды.

Истина стоит того, чтобы её добиваться

Истина существует помимо нашей воли.

Ищи друзей, а недруги сами найдутся.

К цветам из золота не прилетит пчела.

К каждому возрасту присущи свои пристрастия,
Но всем возрастам неизменно желание счастья.

К каждому дано какое-нибудь умение,
Но главное — найти ему применение.

Как мы относимся к детям,
больным и старикам,
Так будут относиться и к нам.

Какие мы разные, пока живём.
И как одинаковы, когда умрём.

Каков гость — таково и угощение.

Каковы труды — таковы и плоды.

Какой бы ни была река —
Она начинается из ручейка.

Книга — колодец, утоляющий жажду,
И напиться из неё может каждый.

Когда есть мудрость — дуракам обидно:
На фоне мудрости их дурость очевидна.

Кому — сладкие плоды,
А кому — горькие косточки.

Коня и осла в одну телегу не запрягают.

Красота души узнаётся по поступкам.

Красота подобна цветку — расцветает и вянет.

Кричащего плохо слышат.

Кротость усмиряет ярость.

Кто ошибок своих не учёл,
На их повторение обречён.

Кто розу мял в своих руках,
Тот знает о её шипах.

Лицо — зеркало здоровья.

Лучше вообще не знать, чем знать вообще.

Любви претит благоразумие,
Любовь есть таинство безумия.

Любовь — болезненная мука,
А лечит эту боль разлука.

Мелкие реки шумливы,
Глубокие — молчаливы.

Муж, даже повелевая женой, зависит от неё.

На то она и ворона, чтоб каркать.

Надежда — это очень много,
Если нет ничего другого.

Надо жить настоящим,
Не забывая прошлое и думая о будущем.

Начинает ссору дурак, умный её заканчивает.

Не от каждой тучи
Вздрагивают горные кручи.

Не так страшна боль, как страшно её ожидание.

Не так страшна смерть, как её ожидание.

Нередко больше говорит
Тот, кто молчит.

Нет горше унижения,
Чем подозрение.

Нечего сказать — помолчи.

О здоровье и деньгах думаешь, когда их нет.

О победителях вернее судят побеждённые.

Очень жаль,
Что бесценная человеческая жизнь
Порой ничего не стоит.

Пей, если нравится, вволю вино,
Но не опускайся на самое дно.

Победителей не судят, но, тем не менее,
Существует суд времени.

Пьянство — добровольное безумие.

Разлука, если коротка, сближает,
Но долгая разлука — разделяет.

Речь человека — его суть.

С каждым говори на его языке.

С правдой все согласны, но не все её любят.

Слепцу чужая зоркость не поможет.

Слова ранят душу, они её и лечат.

Совість — судья беспристрастний,
Но мы его игнорируем часто.

Стрела и пуля с доброй вестью не летят.

То, что человек созидает,
Он же и разрушает.

Тот, кто много знает — понимает,
Что он слишком мало знает.

Трусливый умирает каждый час,
Но храбрый умирает только раз.

У дружбы, скреплённой рюмкою водки,
Век уж очень короткий.

У жадности ненасытные глаза.

У каждого рассвета — свой закат.

У каждого слова есть эхо.

У любви добрые глаза,
Даже если в них гроза.

Удовлетворённый порок множится.

Умей довольствоваться тем, что имеешь.

Учись не обманывать прежде всего самого себя.

Хитросплетённые мысли заплетают язык.

Хорошее чтение —
Ума обогащение.

Хочешь заинтересовать — заинтересуйся сам.

Хочешь иметь верного друга — сам им будь.

Хочешь сберечь дружбу —
Не утомляй друга визитами и просьбами.

Чем больше знаний, тем больше вопросов.

Чем больше ты выпьешь вина за столом,
Тем больше ума потеряешь потом.

Что может быть хуже,
Если ты никому не нужен.

Я верю в то, что понимаю,
Что слышу, вижу, осязаю.

Рузанна КАРАПЕТЯН

Карапетян Рузанна Суреновна (Сюзи) родилась в 1976 году в посёлке Калинино Степанаванского района Армении. После окончания средней школы поступила на заочный факультет культуры Ереванского педагогического института и одновременно работала

в Таширской средней школе учителем армянского языка и руководителем кружка песни и танца. Сразу же после окончания института в 1995 году она поступила на вокальное отделение Ереванской государственной консерватории.

После окончания консерватории Карапетян Р.С. работала в нескольких популярных вокально-инструментальных группах. В 1995 году Рузанна Карапетян записала свои первые аудиокассету и компактдиск. В 2000 году киностудией «Арт-13» выпущеней клип «Не уезжай», который на хит-параде занял первое место. В 2001 году она издала книгу «Любить и быть любимой».

Карапетян Р.С. работала в драматическом театре, а в 2002 году закончила хореографическое училище.

Свои первые стихи и одновременно музыку к ним Рузанна написала ещё в шестилетнем возрасте и с тех пор «уже не может остановиться». Ею написано более пятисот песен только на свои стихи, которые поют многие популярные исполнители. Кроме того, она издала четыре компактдиска

В 2002 году она приехала в Симферополь и в настоящее время является солисткой группы «Салгир», часто выступает с благотворительными концертами в детских приютах и в домах для престарелых.

Пишет стихи на армянском и русском языках.

ДАЙ МНЕ...

Дай мне надежду –
А значит, дай мне и силы жить,
Чтобы, как прежде,
Безрассудно тебя любить.
Дай мне хоть лучик
Того солнца, что жжёт по весне.
Сколько же мучить
Будет твой образ меня во сне?

Дай мне водицы
Хоть глоточек, что бьёт ключом, –
Стану я птицей,
И преграды мне нипочём.
Дай уголёчек
От костра, где согрелся ты.
Дай хоть чуточек
Твоей ласки, чтоб сбылись мечты.

ПРИЗРАК

Я вспоминаю о тебе,
Твои слова – в моей судьбе.
Люблю и о тебе пою,
Целую карточку твою.

Но иногда твой призрак вновь
В ночи приходит, как любовь.
И дождь рисует на окне
Твой образ, голос слышен мне.

А иногда я жду тебя,
Безгласная любовь моя,
И грустный взгляд люблю я твой —
Всегда и всюду он со мной.

Я губ твоих теплом живу,
И, будто, ты следишь за мной
Всегда: во сне и наяву,
Любимый мой, любимый мой.

Прошло уже немало лет
С тех пор, как рядом тебя нет,
Но вспоминаю о тебе,
Люблю и жду всегда к себе.

Ведь не любить мне без тебя,
Не жить на свете, не любя:
Все мысли — о тебе лишь вновь,
Моя ушедшая любовь.

Но где теперь тебя найти?
Скажи хоть слово и прости,
Что я скучаю без тебя,
Тебя по-прежнему любя.

За что ты мучаешь меня?
Возьми меня к себе, молю.
Я, птицей раненной маня,
Молю, тоскую и люблю.

ՍԻՐԵԼԻ ՄԱՅՐԻԿ

Իմ սիրուն ,իմ գարուն իմ մայրիկ,
Ինձ համար դու քնքուշ և թանկ էակ,
Իմացի՛ր, որ միակն ես ինձ համար,
Եւ հոգով միշտ քեզ հետ եմ իմացիր:

Մայրիկ կարոտել եմ քեզ այնպե՛ս,
Երազում և տեսնում եմ երազում ես,
Քեզնից ջերմ կարոտս առնում
Համբույրով արցունքներդ եմ մաքրում:

Սիրելիս, դու մի տխրիր եւ մի թախծիր
Եվ արյուն արցրունք մի թափիր,
Իմ հոգիս, եւ իմ սիրտս կարծես,
Հուզմունքից այրվում է այնպես:

Չկարծես մոռացել եմ ես քեզ,
Քեզ հիշում և աղոթում եմ ես,
Հրեշտակն ես իմ սուրբ պահապան,
Եվ քո սովերն է հսկում ինձ անքուն:

Սիրելի իմ մայրիկ ինձ ներիր,
Որ քեզ շատ եմ տանջել, ինձ ների՛ր,
Ներիր, որ քեզնից եմ հեռացել,
Բայց սիրտս քեզ մոտ եմ թողել:

ЛЮБИМАЯ МАМА

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Моя мама, красивая, словно весна, —
Никого нет дороже и ласковей мне.
В моей жизни — лишь ты, моя мама, одна,
Я душою с тобой наяву и во сне.

По тебе я скучаю, бесценная, вновь
Ночью, вечером, днём и всегда поутру.
Мне с тобою тепло, ощущаю любовь,
Поцелуем слезинки твои я утру.

Ты не плачь, пусть не будет, любимая, грусть,
И глаза улыбаются, милая, пусть.
Погаси огонь жгучий в душе моей ты:
Обожглась я, измучилась от маяты.

Ты не думай, что я позабыла тебя:
Помню я о тебе, пред иконой молюсь,
Ты — мой ангел-хранитель. Я знаю: любя,
Ты не спишь, охраняя, — и я не боюсь.

Ты прости меня, милая мама, прости,
Что нередко я мучила много тебя,
Что уехала я — развели нас пути,
Только сердце осталось с тобою, любя.

ՀԱՅԱՍՏԱՆ

Վերածնված իմ Հայաստան,
Իմ ծաղկազարդ սիրուն օրրան,
Ջրերդ են անմահական,
Հողդ սուրբ է իմ օթևան,

Իմ Հայաստան , իմ Հայաստան,
Սրտիս հուրն ես իմ երեվան,

Բարձուն են հեռվից ես քեզ,
Իմ հարազատ սրբավայրն ես,
Դու մեր լույսի , հույսի տունն ես,
Ջերմության , փառքի ամրոց ես:

Իմ Հայաստան, իմ Հայաստան
Դրախտավայր ես իմ երեվան:

Իմ Հայաստան սիրուն են քեզ,
Տխուր են, որ քեզնից հեռու են ես,
Հոգուց զրկված մարմին են կարծես,
Երբ օտարության մեջ են ես,

Կարոտել են մեր Սևանին,
Եվ վեհափառ Արարատին,
Աստվածը վերադարձ տա հային
Եվ օրհնություն մեր աշխարհին:

АРМЕНИЯ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Ты будто снова рождена,
Моя цветущая страна.
Бессмертны воды и поля,
Очаг мой, милая земля.

Моя Армения – мой дом,
А Ереван – как факел в нём.

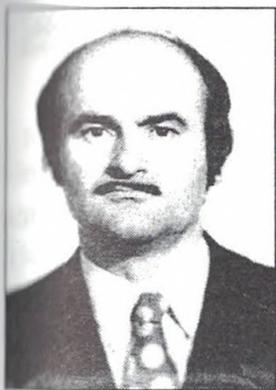
Тебе привет передаю,
Отечество. В чужом краю
Ты – свет, надежда, наша боль,
Ты – наша слава и любовь.

Моя Армения, мой край,
Твой Ереван – как будто рай.

Люблю Армению в тиши,
Грустя вдали, живу во мгле.
Осталось тело без души,
Я – пленница в чужой земле.

В душе – зеркальный твой Севан
И Арарат всегда храню...
О Боже, возврати армян,
Благослови ты их страну!

Вагаршак МАЗЛУМЯН

Мазлумян Вагаршак Сетракович родился в 1937 году в селе Приветном Кировского района (Крым). С 1941 по 1944 год находился на временно оккупированной фашистской Германией территории в Крыму, а в июне 1944 года он был депортирован в Зауралье, где ребёнком провёл в сталинской ссылке

двенадцать лет.

После окончания средней школы Мазлумян В.С. три года служил в рядах Советской Армии. После этого он закончил факультет промышленного и гражданского строительства Днепропетровского инженерно-строительного института, а затем в течение тридцати лет работал на различных стройках страны. За эти годы он прошёл путь от мастера строительного участка до главного инженера строительного управления.

В настоящее время Мазлумян В.С. живёт в посёлке Айкаван (город Симферополь) и работает заместителем директора Симферопольского ремонтно-механического завода.

В 1995 году Вагаршак Мазлумян издал свою первую и пока единственную повесть «Крымский арестант». Пишет на русском языке.

НАКАНУНЕ

(Глава из романа «Долгая дорога к дому»)

– Мария Ивановна! – испуганным голосом обратился утром к секретарше директора совхоза комендант Тимофей Ерохин, теряясь в догадках, по какому делу он был вызван.

Обычно его в совхозе почти никто не замечал. Жил он уединённо и тихо, не вмешиваясь в дела житейские, хотя по долгу службы следовало этим заниматься. Летом комендант почти не интересовал директора, и лишь в преддверие зимы тот требовал от него отчёта насчёт готовности печного отопления барачных и общественных зданий к встрече со стужей. А тут, в самый разгар лета, вдруг про него вспомнил директор. И как тут не разволноваться ему и чёрт знает что подумать? Может, до директора дошли слухи о его негласной близости с одной молоденькой вдовушкой или неосторожно брошенное им слово в адрес самого директора при распитии водки в компании...

Превозмогая робость, комендант выпалил:

– Что случилось?

Секретарша, женщина средних лет, проживавшая в посёлке, успокоила

Ерохина и только лишь одному ему на ушко тихо сообщила:

– К нам везут пополнение из Крыма...

– Аж из Крыма?! – изумился комендант – Зачем?

– Проходи. Сам всё скажет, – неопределённо ответила секретарша, кивая головой на двери кабинета директора совхоза.

На экстренное совещание Панов, директор совхоза, вызвал всех специалистов совхоза и его участков. Многие из присутствующих стали теряться в догадках, по какому поводу собрал их директор в такое раннее время, и, глядя на сосредоточенное лицо руководителя в присутствии незнакомого чекиста-офицера, поняли, что происходит что-то серьёзное.

Их мысли и догадки прервал директор, который начал:

– Товарищи! Я вас срочно собрал на экстренное совещание. Я только что прибыл из области, где мне сообщили такую новость, – и тут Панов сделал паузу, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Он налил в стакан из графина воду и медленно, словно процеживая сквозь зубы, стал пить.

Выпил. Поставил стакан на место и лишь после этого спокойно продолжил:

– К нам на поселение и на работу везут из Крыма нацменов – армян, болгар и греков, которые в должной мере не проявили патриотизма в борьбе против немцев...

От такой новости у многих в изумлении вытянулись лица и вырвался вздох возмущения

– Вот те на!..

Поднялся шум и гам. Все наперебой начали высказываться по поводу услышанной новости, некоторые стали интересоваться количественным и качественным составом ссыльных людей. Директор постучал карандашом по графину, призывая присутствующих сохранять дисциплину и спокойствие.

Наконец всё утихло, и директор продолжил своё сообщение. В заключение он сообщил:

– Большинство из них – нетрудоспособные люди: это дети и женщины.

– А ихние мужики куда подевались? – крикнул с места вечно неугомонный непоседа начкон (так рабочие прозвали начальника концевых) совхоза Юрий Карасев.

– Директор растерялся и вопросительно глянул на сидевшего рядом с ним человека в военной форме, который прибыл из области. Тот что-то тихо шепнул ему на ухо, и директор буркнул:

– На войне... Где им еще быть?..

– Как это надо понимать? – ерзая на стуле, спросил всегда спокойный и уравновешенный Залваски: – Выходит, старшие воюют, а младшие едут к нам на поселение? Что-то непонятно.

И агроном в недоумении развел руками, ища объяснение у директора.

– Что тут непонятного? – раздражаясь, начал объяснять директор, который по своей комплекции больше был похож на ресторанного повара, чем на директора крупного конного завода. Для этого ему не хватало на голове лишь накрахмаленного белого колпака. – Началась война, как везде, старших призвали в армию, а женщины и детишки остались дома. И вот теперь их везут сюда... Более подробно вам об этом скажет наш новый спецкомендант совхоза старший лейтенант Овечкин, который с этого дня начинает у нас работать старшим над спецпереселенцами.

Спецкомендант Овечкин встал, одернул полу гимнастёрки и, на удивление всем, трубным голосом стал док-

ладывать о спецпереселенцах, которые не сегодня-завтра должны прибыть к месту нового проживания. В течение более получаса он докладывал о том, как должны себя вести на новом месте спецпереселенцы и как к ним должно относиться местное население.

Закончив доклад, старший лейтенант Овечкин вытер своё конопатое, рябое лицо носовым платком и после этого спросил:

– Товарищи, у кого будут вопросы?

С большим вниманием и интересом выслушав доклад чекиста, многие сидели в оцепенении, боясь пошевелиться.

И вдруг тишину нарушил голос Ерохина:

– Выходит, в совхозе у нас будет два коменданта: старший лейтенант Овечкин и я, – и Ерохин ткнул пальцем себя в грудь и кивнул головой в сторону новенького.

– Выходит так! – подтвердил директор, а потом глянул на старшего лейтенанта Овечкина и сказал: – Сегодня вечером в клубе проведём собрание с местным населением. Проинформируем его о надвигающейся ситуации и расскажем, как себя вести с прибывающими крымчанами...

– А все-таки, кто они такие на самом деле?.. Продажные шкуры?.. Изменники Родины?.. Или им ещё есть другое название?.. – С пылающим от гнева лицом спросил ветфельдшер совхоза Николай Морозов, потерявший на войне двух сыновей...

– Ни то, ни другое. Это спецпереселенцы из Крыма, – пытаясь охладить накал надвигающихся страстей местного населения в отношении прибывающих людей, ответил

старший лейтенант Овечкин, тревожась за исход порученного ему дела.

Как выяснится в последствии, все тревоги и волнения япецкоменданта Овечкина будут напрасны – всё-таки великодушен русский народ, не держащий зла ни на кого, а тем более на невинно пострадавших людей...

А тем временем глашатаи-мальчишки мигом оповестили всех жителей совхоза о предстоящем собрании вечером в клубе села. Весть о скором прибытии ссыльных из Крыма стала известна ещё до собрания, которая с быстротой молнии облетела все уголки совхоза. Реакция местного населения была неоднозначна: люди с Украины эту весть приняли с чувством горести и сожаления, испытав на собственной шкуре изгнание ещё пятнадцать лет назад, некоторые спокойно и без всяких эмоций – ни холодно, ни жарко! Подавляющее большинство это сообщение встретило враждебно.

Их можно понять и простить, потому что многие из них потеряли и ещё продолжают терять на этой проклятой войне своих родных и близких. До начала собрания оставалось ещё довольно много времени, а зальчик мале-нького совхозного клуба уже был забит до отказа возбуждённым и бурлящим народом, который напоминал разворошённый улей. То тут, то там люди отдельными группами меж собой горячо доказывали друг другу и спорили по поводу встречи, как им казалось, с непрошеными гостями.

Многие были настроены решительно, лишь отдельные лица предпринимали робкие попытки заступиться за горемык.

– Надо этих несчастных с хлебом и солью встретить! – хриплым голосом кричал худой и длинный, как палка, совхозный сапожник, дядя Ваня, не попавший под мобилизацию по состоянию здоровья, хотя сам неоднократно просился на фронт добровольно.

– Надо их вилами встретить, а не с хлебом и солью! – услышав эти слова сапожника, потрясая в воздухе костылями, заорал вечно небритый инвалид Павел Шаповалов, потерявший на войне правую ногу. Потом забился в истерике и завопил: – За что я кровь проливал?.. Я вас всех спрашиваю!..

– Успокойся, Паша, – стал его уговаривать дядя Ваня, приговаривая: – детишки ведь не виноваты... Мне кажется, что они все не виноваты.

Сказав эти слова, дядя Ваня осёкся, испугавшись собственных слов, боясь накликать беду на свою седую голову, но кругом стоял такой шум, что вряд ли его кто услышал.

– Ты, дядя Ваня, как Вовка: добрая душа, всех жалеешь. Недаром тебя праведником считают. Я что ли виноват в том, что мне ногу на войне отняло или тронулся умом мой братан Стёпка, увидев, как на его глазах сгорели в танке два наших брата, – говорил Павел, размазывая по небритым щекам скупые мужские слёзы...

– Зачем этих иродов к нам везут, а не в соседний совхоз? – стуча клюкой, словно Иван Грозный посохом, о деревянный пол и брызгая слюной, вопрошала первая сплетница села бабка Молчаниха...

И вдруг все притихли, словно школьники при входе

учительницы в класс, когда в клубе появился директор со свитой. Взоры всех присутствующих устремились на незнакомое человека в свите директора, который был в офицерской форме с редкими сальными волосами и лицом, изъеденным оспой. Директор со свитой заняли места в президиуме. Наступила тягостная тишина в зале. Чтобы придать и подчеркнуть важность данного собрания в жизни конного завода, директор напыжился, словно индюк перед чем-то красным, и с каменным лицом вышел на трибуну и замер. Селяне, не привыкшие видеть таким своего вечно весёлого и добродушного руководителя, тоже прониклись чувством важности данного собрания и также окаменели и замерли, что даже стало слышно жужжание «дурной» мухи, летавшей с одного конца зала в другой. После минутной паузы директор начал говорить:

– Товарищи! Вы все уже знаете, что к нам эшелонам везут спецпереселенцев из Крыма. Эти люди лояльно относились к врагу, сотрудничали с ним и вот теперь их везут к нам на покаяние и перевоспитание.

Несмотря на их грехи перед нашим народом и государством, наш долг принять их чисто по-человечески, обогреть и дать приют. Кто они такие и когда придут, вам об этом расскажет наш новый спецкомендант старший лейтенант Овечкин, который является начальником над спецпереселенцами.

Чтобы подчеркнуть особую важность постановления Совнаркома

СССР, чекист строевым шагом подошёл к трибуне. На миг замер, сверля зал своими маленькими глазками-бурав-

чинами, пронзая всех насквозь, аж доставая до печёнок! Командант в течение получаса докладывал собранию про восстановление Совнаркома СССР о переселении из Крыма всех армян, болгар, греков и немцев на земли Урала, Сибири и Казахстана и в частности в данный конный завод. Ознакомил с правилами проживания ссыльных на новом месте.

В заключение Овечкин сказал:

• Долг каждого честного местного жителя – немедленно сообщать в комендатуру о всех правонарушениях со стороны спецпереселенцев, – затем он сделал ещё более строгое лицо, аж желваки заходили на скулах, и добавил: – Никаких поблажек им не давать, а не как советовал нам многоуважаемый директор...

Собрание продолжалось долго. Началось клеймение изменников Родины.

Первым начал с места Павел Шаповалов:

– Дорогие земляки, у меня нет слов для возмущения. В то время, когда я на фронте проливал кровь и потерял ногу, – и тут Паша стукнул костылями об пол, который загудел, словно натянутый барабан, – энти армяне кофеи с немцами распивали, а может, вместе шнапс жарили, а теперича везут их сюда жить. Они думают, что мы здесь с ними чай будем гонять. Не бывать этому... Я не только чай с ними не стану распивать, но и руки им не подам.

Пашка стукнул себя кулаками в грудь и мешком свалился на свое место.

За ним поднялся бригадир полеводов Илья Томилов, пришедший на собрание при всех регалиях – на его выц-

ветшей, выдавшей виды гимнастёрке красовались боевые ордена и медали. Носил Илья очки с толстыми стеклами. Он был почти слеп. Потерял зрение в последнем для него бою: разорвалась граната у него под ногами. Осколки пролетели мимо, чуть задев бедро, а вот порохом выжгло глаза, следы которого остались на веках и по сей день черными густыми точечками...

— Дорогие односельчане! — сняв очки, сказал Илья, — Вы меня все хорошо видите, а я вас вижу как в тумане, потому что потерял зрение на войне. В последнем бою я потерял многих своих боевых друзей, но сам остался жив. Пусть изменники, — Илья погрозил кулаком в сторону ещё невидимого им спецпереселенца, — не радуются, что я слепой, но я всё равно гляну им в глаза, пусть ужаснутся от содеянного.

Последней из выступающих к трибуне направилась бабка Молчаниха на своих негнувшихся ногах, покрытых коростами и парализованных ревматизмом, с неизменной клюкой в руке. Под дружный смех собравшихся два мальчика-подростка, под зад подпихивая женщину, помогли ей взобраться на сцену.

Потрясая своей клюкой, как боярыня Морозова перстом, в сторону железной дороги, бабка Молчаниха заголосила и закричала:

— Помрёте вы все здесь!.. Околеете и очокуритея зимою!..

С наступлением сумерек собрание закончилось, люди изрядно устали, а вместе с этим и постепенно агрессивность улетучилась...

Галина МАРКИНА

Маркина Галина Львовна родилась в 1938 году в городе Ереване (Армения) в семье военнослужащего. В её раннем детстве вся семья переехала в станицу

Бескарабную Краснодарского края (Россия), где Маркина Г.Л. прожила долгие годы.

После окончания семилетней школы и Армавирского профессионально-технического училища она некоторое время работала закройщицей по пошиву женской одежды. Однако тяжёлая болезнь заставила её отказаться от работы на производстве.

Двадцать два года Галина Маркина была внештатным корреспондентом районной газеты «Свет маяков», в которой публиковала статьи, очерки и свои первые стихи, которые начала писать ещё в юности.

С 1993 года Маркина Г.Л. живёт в Симферополе. Ею издана в 1999 году первая и пока единственная книга стихов «Позвольте жить!».

СТАЛИНГРАД

*Герою Советского Союза, генералу
Ашоту Аматуни – за подвиг.*

Отгремели бои в сорок третьем у Волги,
Что горела огнём за родной Сталинград:
Двести дней и ночей по приказу и долгу
Шли солдаты вперёд, и – ни шагу назад.

Все этапы войны испытанием долгим
На солдатские плечи в сраженьях легли.

Каждый знал: к отступленью за матушкой-Волгой
Нет и пяди свободной российской земли.

Двести дней и ночей, что сравнимы лишь с адом,
Наконец-то сломали фашизму хребет.

И над городом лучшей за подвиг наградой
Ярко вспыхнул Великой Победы рассвет...

Расскажи нам об этом сержант Аматуни:

Как заставили немцев признать свой «капут»,

И к крутым берегам их спиной повернули,

Направляя в обратный – с бесславием – путь?

Никогда, никому не сдавалась Россия:

От врагов свою землю и честь берегла –

Сталинград – тот кусочек при волжском разливе,

Где разбился «штандарт» об его берега.

Из руин, как гигант, снова встал в обновленье

Город Славы, что выстоял в годы войны...

Только как Вас заставить сейчас без волненья

Вспоминать Сталинград на обломках страны.

Вам сегодня больней, чем тогда – в сорок третьем.
Где найти для безумства карающий меч?
Миллионы ушли за державу в бессмертье,
А сегодня её не сумели сберечь.

Ветры новых эпох разорвали на части
Разноцветную карту огромной страны:
Беспределом «свободы» к нам в души стучатся
Под надрывный разгул чужеземной волны.
Те, кто выжил под грохотом сотен орудий,
Положил свою юность стране на алтарь...
Беспределу в глаза им смотреть теперь трудно:
Против чуждых идей им уже не восстать.
Не скрывай эту боль, генерал Аматауни,
Будет жить в твоих книгах военный приказ,
Чтоб, читая их, правнуки наши вернулись
В ту страну, что Героями сделала Вас.

ЗВЕЗДА АСАДОВА

*Не надо сдаваться, люди.
Эдуард Асадов.*

Я смотрю сквозь призму лет минувших –
Мне бы тот увидеть эпизод,
Как с войной по морю и по суше
Шёл в Крыму сорок четвёртый год.
Били в лица западные ветры,
«Гром» гремел, раскалывалась вьсь

У Сапун-горы на каждом метре,
Вслед комете обрывалась жизнь,
Где солдат спасал родную землю
От «всесильем» бредивших «владык» —
Он, отцов традиции приемля,
Силе той сдаваться не привык...

Под густым зелённым покрывалом
До сих пор там стынет под дождём
Его след — обугленный, кровавый,
Опалённый проливным огнём.
Всё запомнил город Севастополь —
Он свидетель отпылавших лет.
У подножья, где-то между сопок,
Тот тревожный затаился след...

Через все перипетии ада,
Через боль, что отнимает свет,
Взяв всего от жизни двадцать лет,
Здесь прошёл и лейтенант Асадов —
Наших дней талантливый поэт.

Город Славы, как рубеж последний,
Стал в бою поэту, а потом...

А потом его стихотворенья
Вышли в бой с бумагой и пером,

Позади оставив километры
От Москвы до невских берегов,
Где во власти и войны и смерти
Было всё для будущих стихов...

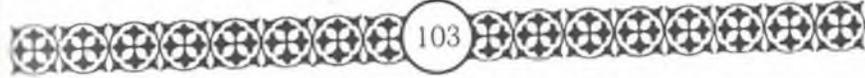
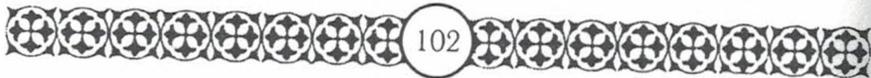
... Он впервые вышел на дорогу
Знаменитой гвардии сержант.
Повинился перед волей Бога,
Крепче сжал холодный автомат.
 Закружили вихри лихолетья,
 А в кармане – юности билет.
Тяжела борьба с чужим «отрепьем»,
Если жил всего семнадцать лет.
«Разорвать блокаду Ленинграда!» –
Только эта мысль стучалась в лоб.
А ещё ведь и учиться надо
Бить врага с умением, и чтоб
 Стать в строю не только офицером –
 Повзрослеть, предельно возмужать,
 И чтоб **жить** у смерти под прицелом:
 Всем смертям назло не умирать!
Изучил науки все досрочно
Под гудки военных поездов:
Лейтенант, артиллерист-наводчик
К боевым сражениям готов!
 А война – на мужество экзамен,
 Шаг к победе – выигранный бой.
 Но никто заранее не знает,
 Что кому назначено судьбой.
Может статься, что в аду крошечном
Навсегда без вести пропадешь.
Или птицей фениксом воскреснешь,

Возродишься в боли и придёшь
Снова в мир сплошных противоречий,
Где и недруги, как стрелы, бьют.
Их обманно-пламенные речи
Жить спокойно сердцу не дают.
Он не раз в бою был гнут и ломан.
Не изломан. Не согнут в дугу.
А раненье – как графа диплома:
Быть всегда у совести в долгу.
... Тридцать книг – весомый вклад за право,
Бой покинув, ринуться в другой
Не за Лавром, не за лентой Славы –
Славу возвеличивать собой,
Силу духа переплавив с волей!
Как звезда поэту светит цель:
Побеждал врага на бранном поле,
И себя он победить сумел...
... Я стихи Асадова читаю,
Словно пью из чистых родников.
Как с молитвой, к жизни возвращаюсь
И бегу от собственных «оков».
Всё понятно, дорого и близко,
Всё находит отклики души:
Если боль – она похожа слишком,
Если радость – пей и не спеши.
Как глубок источник вдохновенья!
Я с волнением у Сапун-горы

Ощутить пытаюсь дуновенье
Той далёкой, огненной поры.
Мне за сопкой города не видно –
Вместе с солнцем в море утонул.
По степным просторам, по Тавриде
Похоронен канонады гул.
Новый ветер с крыльями столетья
Всё давно в Историю сложил,
Лишь на небе символом бессмертья
В лунном свете звёздочка дрожит:
Его жизни яркая надежда –
Огонёк, не гаснувший в душе:
И сегодня так же, как и прежде,
На крутом сияет вираже...
И хочу я поклониться в пояс
Человеку, чей отважный голос
Призывает не сдаваться нас,
Когда слёзы капаят из глаз.
Не сдаваться, даже если трудно
В наши дни о чести говорить :
Не звонить в колокола и трубы,
А, имея цель, достойны жить.
Не сдаваться, если боль не в силу,
Если ты один в её плену...
Чтоб **живое** сердце не остыло,
Вспомни тех, кто выстоял в войну.
Кто стихи писал в огне пожарищ.

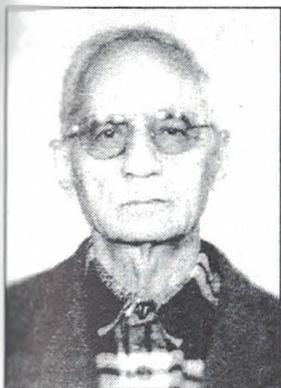

Кто себя, как ювелир, тесал,
И такое слово, как товарищ,
Ни в одном бою не потерял...

Посмотри внимательно на небо,
Когда смолкнет праздничный салют:
Над Сапун-горой, как быль и небыль,
Им во славу звёздочки взойдут.

Среди них – «Прозрачно-голубая» –
То его, Асадова, звезда:
Свет её в стихах не угасает,
И горит в судьбе его всегда!

Георгий МЕЛИКОВ

Меликов Георгий Александрович родился в 1925 году в городе Баку (Азербайджан).

Не закончив среднюю школу, Меликов Г.А. был направлен в военное училище, по окончании которого в июне 1944 года в составе всего выпуска отправился на Первый Украинский фронт. Впоследствии форсировал реки Одер, Нейссе и Эльбу. Дважды был ранен и один раз контужен. Георгий Меликов был награждён тремя боевыми орденами и семнадцатью медалями.

После демобилизации из рядов Советской Армии он поступил на строительный факультет Бакинского политехнического института, который закончил в 1952 году.

Затем работал в проектно-институте «Азгипроводхоз», где вырос от рядового инженера до главного специалиста. В 1968 году Меликов Г.А. был приглашён на такую же должность в московский проектный институт «Росгипроводхоз».

С 1970 по 1972 год Георгий Меликов учился на Высших литературных курсах. Затем работал главным конструктором в проектно-институте «Мосгражданпроект», а с 1978 года преподавал в Подольском строительном техникуме и Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте.

С 1985 года он живёт в городе Феодосии.

Его первые стихи были опубликованы во фронтовой газете «За Родину!». Живя в Баку, он выпустил в московском издательстве «Красная заря» четыре сборника рассказов о войне.

Георгий Меликов – член Национального Союза писателей Украины.

СТИХИ

Стихи не пишут – их берут у солнца
и на ладонях людям подают.
Их не испить до самого до донца,
как ни старайся. Тщетный труд!

Стихи не пишут – их берут у неба,
душой смятенной, устремлённой ввысь.
И пусть поэтом никогда ты не был –
ты станешь им – лишь в звёзды окунись.

Стихи не пишут – их берут у ветра,
то тихого, то хлётского, как плеть.
Они – как заклинание, как вера,
что свету и добру не умереть.

Стихи не пишут – их берут у леса,
единственные, терпкие слова.
Они того волшебного замеса,
когда от слов кружится голова.

Стихи не пишут – у дождя берут их,
их чистый звон и светлую печаль.
Во дни тревог, во дни сомнений трудных
они – спасенье наше и причал.

Стихи не пишут – их творит природа
рукой поэта, гением народа.

ПОЭТ

И снова лист бумаги предо мной,
пока что чистый, безупречно чистый.
А я наедине с самим собой,
всё ворошу в уме слова и числа.

Я что-то вспоминаю день за днём,
меня какой-то призрак будоражит,
и возникает мысль сказать о том,
чего другой, быть может, и не скажет.

И вот уж он не безнадёжно чист:
исписан он, запачкан и исчирикан.
А я сердит на этот чистый лист,
как будто он – виновник и зачинщик,

как будто он бессилён, как Тantal,
он, а не я, испытывает муки,
он, а не я, не отгадал финал,
он, а не я, сжимает нервно руки.

Ищи слова, ищи слова, чудак!
Вгрызайся в недра! Сдвинь пласты и горы!
Ведь ты – тот самый ненарочный маг,
которому подвластны все глаголы.

А если ты не маг – остановись,
пусть чистым остаётся этот лист...

ДАЙТЕ РОДИНУ!

В.П.Казарину

Дайте Родину хоть контрабандой,
привезите мне лист лопушиный!
Зачерпните стеклянною банкой
самой жгучей, как юность, рябины.

Я болею, какую неделю
я тоской свою душу мотаю...
Привезите любую Расею –
я в ней гордую Русь угадаю!

Привезите мне грязную лужу
и блаженный кусок чернозёма,
и кузнечика кроткую душу,
и привет из московского дома!

Нас по свету бросает удача,
чтоб однажды в слезах оглянуться...
Я над веточкой вербною плачу,
я в Россию хочу окунуться!

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА

(Рассказ)

Как-то мы с дедушкой Грикором сидели на крыльце его дома, отдыхая после трудов праведных. Дом располагался на краю села. Недалеко протекала горная речка, неумолчно шумевшая день и ночь. А за речкой начинался лес, который уходил в горы и терялся там в причудливых отрогах. Можно было идти по этому лесу и день, и два, и больше, а он всё не кончался. И только на заоблачных вершинах гор он редел, переходя в мелколесье.

Мы разговорились со стариком о простых, будничных делах, как вдруг он спросил, над чем я сейчас тружусь, что пишу.

— Я, — сказал он, — посматриваю на тебя, когда ты пишешь, и жалею.

— Почему, — спросил я, — чего меня жалеть?

— Ты молодой, симпатичный, а уходишь из города на всё лето, запираешься в нашей глуши и пишешь, пишешь. О чём же можно столько писать?

— Да мало ли о чём? — удивился я. Вокруг нас кипит жизнь, бушуют страсти и много, очень много интересного. Сейчас я пишу о любви, о большой любви, которая закончилась трагедией...

— Но зачем, — не понял старик, — делать из любви трагедию? Любовь — это радость, это благо, самое большое, что дано человеку.

Я согласился со стариком, но и возразил:

— Когда в любви всё ладно, всё хорошо — о чём писать?

Но в жизни немало и таких случаев, когда любовь приносит людям горе и печаль. Вот тут есть над чем подумать.

– Да, – задумчиво сказал дедушка Григор, – наверное, ты прав. Недаром молодёжь нашего села перед тем, как стать мужем и женой, ходит к Гургену.

– К какому Гургену? – спросил я. – У вас тут каждый третий – Гурген.

– Экий ты, сынок, непонятливый, – без раздражения сказал старик. – Не к живому Гургену они ходят, а к каменному.

Тут уж я ничего не понял и попросил своего собеседника толком объяснить, что – к чему.

– Я люблю твои сказки, – сказал я, – ты отменный рассказчик. Слушаю тебя.

И старик начал свой рассказ. Для кого-то это и сказка, а народ верит и чтит мученика Гургена. Моему отцу эту историю рассказал его дед, а деду – его дед.

От деда к деду передаётся, и люди верят, что так всё и было.

Давно, наверное, это случилось, когда ещё Месроп Маштоц жил, а может, и раньше... Жил да был юноша Гурген, красивый, как солнце, стройный, как тополь, сильный, как дуб. Был он небогат, но свободен, как ветер, и незлобив, как дитя. И вот однажды он повстречал девушку невиданной красоты. Она гуляла по земляничной поляне, каких в наших лесах немало, срывала ягоды и отправляла их в рот. От земляничного сока губы её, и без того красные, стали ещё краснее. Девушку звали Сиран. Увидел её Гурген и онемел от её красоты. Придя в себя, он сказал:

– Ты посиди, отдохни, а я нарву тебе полное лукошко ягод, и тебе не придётся так часто наклоняться.

– Ладно, – согласилась девушка, – я, пожалуй, последую твоему совету, потому что устала.

Она уселась на густую траву, а он кинулся собирать землянику.

– Ты не спеши, – сказала девушка, – потому что я никуда не тороплюсь, мои слуги уснули, и я сейчас – вольная птица.

– Значит, ты – ханум? – спросил юноша.

– Для кого-то я, может, и ханум, – засмеялась девушка, – но не для тебя.

– Кто же твой отец, – спросил Гурген, – и почему я никогда не встречал тебя в наших местах?

– Мой отец – богатый князь, – просто ответила девушка, – все эти земли – его владения. А живу я в замке, что на горе. Разве ты его не видел?

– Почему не видел? – дёрнул плечами Гурген. – Его со всех мест видно, да только к нему не подступись. Князь не очень жалуёт нашего брата, бедняка.

Орёл с орлом паруется, а мы...

– Ну ты, – усмехнулась девушка, – не похож на воробья. Разве ты не орёл?

Щёки Гургена зарделись от этих её слов, но он ничего не ответил и продолжал собирать ягоды. Собрав, принёс полное лукошко девушке.

– Ешь, – сказал он, – а я погляжу.

– Одна я есть не буду, – ответила девушка, – давай вместе.

– А ты не погнушаешься есть со мной из одного лукошка? – спросил Гурген.

– Нет, не погнушаюсь, – ответила Сиран, – я этого хочу. Он уселся у её ног, и они, смеясь, стали есть спелые, сочные ягоды. Он ей подносил ко рту, а она – ему. Любовь пришла к ним нежданно-негаданно, как из-за тёмных горных вершин вдруг выходит солнце и освещает всё вокруг. А когда настало время расставаться, щёки юноши побледнели. Заметив это, Сиран сказала:

– Не горюй, а приходи завтра в это же время, на это же место. Придёшь?

– Конечно, приду! – радостно ответил Гурген, и щёки его снова порозовели.

И стали они встречаться каждый день, и любовь их так окрепла, что решили они стать мужем и женой. Но – как? Она – дочь богатого князя, мелика, а он – бедняк, простолюдин.

– Отец очень любит меня, – сказала Сиран, – и я его постараюсь уговорить. А если не уговорю, то ты меня увезёшь, и я стану твоей женой.

Так они и договорились, но проходил день за днём, а девушка больше не появлялась. Гурген понял, что ей не удалось уговорить отца, и тот в гневе вовсе запретил ей выходить из замка. Отчаянию юноши не было предела, но он продолжал каждый день являться на это место, надеясь рано или поздно встретить свою Сиран. И вот однажды он увидел на поляне силуэт девушки. С радостным криком он бросился к ней, но увидел, что это была не его возлюбленная, а совсем другая девушка.

– Ты Гурген? – спросила она.

– Да, – ответил он, – я – Гурген.

– Тогда слушай внимательно, что я тебе скажу, – проговорила девушка.

Она оказалась близкой подругой Сиран и сказала, что Сиран продолжает любить его, Гургена, несмотря на гнев отца, и непременно убежит к своему возлюбленному. Но когда она сможет обмануть бдительного отца – она этого не знает. Постарается очень скоро, но пусть он, Гурген, не уходит с поляны ни днём, ни ночью, так как только здесь она сможет его найти. И коня пусть приготовит.

Так он и сделал. Горный человек, он привык спать в горах, завернувшись в бурку. Прошло лето, наступила осень, а за ней и зима. Сиран всё не появлялась.

Гурген ждал свою возлюбленную и под проливным дождём, и когда выпал снег, и когда ударили морозы. А когда они нагрянули и завывали жестокие вьюги, юноша замёрз верхом на коне и превратился в ледяное изваяние.

Прошла зима, наступила весна, снег и лёд растаяли, а юноша, сидевший на коне, превратился в гранитную скалу. Много веков он ждёт свою возлюбленную, но она всё не приходит...

Старик закончил свой рассказ.

– Какая печальная и прекрасная сказка! – воскликнул я. – Но где он, этот памятник?

– Если хочешь посмотреть – пойдём! Завтра свадьба Маро и Андраника. Хо-

рошие ребята! Я их обоих нянчил, колыбельки им мастерила. Ты тоже на свадьбу приглашён. Они обязательно пойдут к Гургену. Так у нас повелось.

Ночь я провёл скверно: всё мне мерещился этот несчастный юноша Гурген, замёрзший на морозе в горах в ожидании своей возлюбленной. А ранним утром я присоединился к свадебному шествию. Жених и невеста шли впереди.

Шли мы долго и к полудню вышли на полянку, всю красную от земляники. Таких сочных и крупных плодов я никогда не встречал. А на самом краю этой поляны я увидел скальное изваяние. Я не поверил собственным глазам: неужели это – фантазия природы, или какой-то мастер поработал здесь своим резцом? Я невольно залюбовался этой скульптурой-скалой, чёткими очертаниями юноши, застывшего на коне в позе ожидания. А жених и невеста подошли к ней и прикоснулись руками к ноге всадника и к крупу лошади. Таков местный обычай и он – из века в век.

На обратном пути я спросил у дедушки Григора:

– А что, этот обычай помогает?

– Конечно, помогает! – убеждённо ответил он. – Вот мне скоро семьдесят, но я не помню, чтобы какая-нибудь брачная пара распалась. Живут все в мире и согласии, и Бог даёт им много детей. И тебе не помешает придти сюда со своей невестой. Придёшь?

Я обещал, что приду непременно.

МАТЬ ОРЛА

(Рассказ)

Я путешествовал со своими друзьями по Армении. Вечер застал нас в пути.

В горах темнеет быстро: не успеешь оглянуться, как тебя окутывает холодный мрак. Мы уже было решили заночевать в горах (нам это не раз приходилось делать), но один из моих друзей разглядел в сгущающихся сумерках жильё.

— Пошли, — сказал я, — переночуем хоть раз по-человечески.

— А не попрут нас, гостей непрошенных? — засомневались друзья.

— Не должны, — ответил я, не раз познавший закон гостеприимства в горах Армении.

Мы направились к жилью. Вскоре показалась горная деревушка — два десятка одноэтажных домов, сложенных из камня, с плоскими крышами. Мы подошли к первому и увидели у порога старика. Он неторопливо перебирал чётки.

и внимательно всматривался в нас.

— Мир твоему дому! — сказал я по-армянски. — Прими путников на ночлег, не сочти за обузу.

— Мой дом — ваш дом, ответил старик и жестом пригласил нас под свой кров.

Старик зажёл керосиновую лампу и молча стал собирать на стол нехитруюсьедь. Я сказал, что у нас с собой есть еда, и ему незачем беспокоиться.

— То, что у вас — это ваше, — ответил старик, — а гостей я угощаю своим: разве ты не армянин и не знаешь наших законов?

Я ответил, что армянин и знаю законы предков, но мои русские друзья очень смущены.

— А что, — с хитрецей спросил старик, — разве твои русские друзья у себя дома угощают не своим?

Я перевёл вопрос старика, и друзья возразили:

— Хочет убедиться — пусть пожелает в гости: мы тоже умеем принимать гостей.

Мы поужинали, почаёвничали, а потом стали укладываться на приготовленное хозяином дома прямо на полу ложе. Уснули сразу и проспали беспробудно до рассвета.

Я проснулся раньше своих друзей и вышел из дома. Гостеприимный старик уже возился по хозяйству.

— Здравствуй! — ответил он на моё приветствие. — Как тебе и твоим друзьям спалось? Я ответил, что спали мы, как младенцы, так как очень устали за день пути по горам, да и ложе было мягкое, как пух.

— Добро, — кивнул старик, — сейчас придёт Мать орла и поможет мне испечь в тондыре хлеб.

— Мать орла? — удивился я. — Кто это? Откуда такое имя?

— Потому что она и есть мать орла, — просто ответил старик. — Она выходила орлёнка и стала ему матерью.

— Что это — сказка? — не поверил я своим ушам.

— Почему сказка? — пожал плечами старик. Вон смотри.

Я посмотрел в ту сторону, куда показал старик, и уви-

дел молодую женщину, стоявшую на крыше дома. Женщина смотрела в небо и махала руками могучему орлу, парившему в небе на небольшой высоте. Он парил, совершая круги над домом, где стояла женщина. Вдруг орёл неожиданно сложил крылья и стал падать. В последний момент крылья раскрылись, и орёл плавно опустился у ног женщины. Она встала перед ним на колени и обхватила его шею руками. И тут я явственно услышал клёкот орла. Он, несомненно, что-то выражал, потому что женщина отвечала орлу по-армянски. Она произносила такие слова, какие обычно произносит любящая мать, лаская своё дитя. Я не мог поверить своим глазам и ушам, но... хищная птица и эта женщина... Не во сне ли я?

– Это не сон, – сказал старик, как бы угадывая мои мысли. – Эта птица спасла ей жизнь.

– Так кто же кому спас жизнь: он ей или она ему?

– Ладно, – улыбнулся старик, – я тебе сейчас всё расскажу по порядку.

Этой девушке, рассказал старик, было неполных восемнадцать лет, когда к ней посватался молодой охотник по имени Арам. Он был красив собой, статен, силен и ступал, как барс. Он влюбился в Ануш – так зовут эту девушку – с первого взгляда. Он достал из сумки яблоко и протянул его девушке. Ты – армянин и, стало быть, знаешь, что это означает: съест девушка яблоко – парень может рассчитывать на её благосклонность, а отвергнет – считай, не по душе пришёлся. Ануш приняла подарок и съела яблоко. Через несколько дней этот охотник снова появился в нашем селении, неся на плечах тушу убитого им горного

барана. Приблизившись к дому Ануш, он позвал её, а когда она вышла, бросил тушу к её ногам. Она без слов приняла и этот подарок и завороженно смотрела на юношу.

– Скажи отцу и матери, – произнёс юноша, – чтобы ждали сватов, если ты, конечно, согласна стать мне женой.

– Какой ты шустрый, – засмеявшись, ответила Ануш, – ведь я тебя совсем не знаю.

– А что меня знать? – в тон ей ответил Арам. – Я не разбойник, не грабитель, а простой охотник, добывающий себе пропитание честным трудом. Мои родители – честные люди: отца звать Тиграном, а мать – Сусанной. Я – сын Тиграна и Сусанны, – с гордостью добавил он. – Кто бросит в меня камень? Кто скажет, что я не достоин твоей любви? А то, что я полюбил, тут и сомневаться не надо. Клянусь! Станешь моей женой – не пожалеешь. Откажешь – я уйду, и больше ты меня никогда не увидишь.

– Я согласна, – ответила Ануш, – присылай сватов.

Через несколько дней состоялось сватовство. Разговор был недолгим: вино и халва на столе – какой ещё нужен разговор? Судьба! Был назначен день свадьбы, и начались приготовления к ней – знаешь, как это происходит в наших горных деревнях: всё открыто, на виду. Но не суждено было свершиться свадьбе этой, не дал Бог. За несколько дней до свадьбы началось это проклятое землетрясение. Много народу погибло, в том числе и Арам. И стала невеста вдовой. Нашли труп Арама и предали его земле на том месте, где он погиб. А на могиле поставили каменный крест-хачкар.

И поняла Ануш, что Бог указал ей дорогу туда, где её

суженый. Ранним утром, одевшись во всё белое (это было её подвенечное платье), она вышла из дому и направилась в горы. Все ещё спали, и никто не видел, куда она пошла.

А она всё поднималась и поднималась по горным тропам, по крутым откосам, за которыми был большой обрыв. И решила она броситься с этого страшного обрыва прямо в объятия своего погибшего жениха. И вот она дошла до самой вершины. До обрыва, до рокового края оставалось несколько шагов, и тут она увидела раненого орлёнка, беспомощного, полуживого. Видно, стихия и его, малыша, не пощадила. А куда подевались его родители – один Господь ведаёт.

Ануш увидела погибающую птицу – и мысль о самоубийстве была забыта: в женщине проснулась мать!

Подняла Ануш искалеченного орлёнка, прижала его к груди и быстро стала спускаться с горы, к своему дому. Здесь она перевязала орлёнка и стала его выхаживать. Действовала она инстинктивно, но это был инстинкт матери. Она поила его молоком из бутылочки, а когда орлёнок подрос, стала давать ему мясо. Орлёнок оправился от ран, но не мог ещё летать, а ходил за своей спасительницей по пятам, смешно подпрыгивая и распуская крылья, точно понимая, что рано или поздно они поднимут его в воздух.

Но вот однажды он воспарил: орёл есть орёл! Он взмыл в воздух и стал кружить над родным домом, как бы желая этим сказать: не беспокойся, мама, я всё помню и никогда тебя не забуду. А она плакала от счастья и от того, что предстоит разлука, и губы её шептали: «Не улетай совсем,

возвращайся и помни: здесь твой дом». Она махнула ему рукой на прощанье, и он улетел в горы.

Но не бывает дня, чтобы он не прилетал к матери и не говорил ей нежные слова на своём орлином языке. И сегодня – тоже, и ты это видишь. Ты – писатель, напиши об этом...

Тут проснулись мои друзья, поздоровались, пожелали всем доброго утра. Я рассказал им эту историю с орлёнком и армянской девушкой Ануш.

– Это какое-то чудо! – воскликнули друзья, следя глазами за парящим орлом.

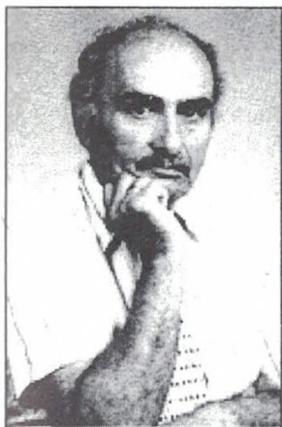
– Он будто всё понимает, будто ему дан человеческий разум.

Я перевёл старику слова моих друзей, и он сказал:

– Люди поговаривают, что сердце покойного Арама переселилось в грудь орла. Вы, люди учёные, скажите: может так быть?

Возвратившись домой, в Москву, я выполнил просьбу старика и описал эту историю.

Михаил ПЕТРОСЯН

Михаил Арамович Петросян родился в 1942 году в селе Мухрабах Мардакертского района Нагорно-Карабахской автономной области (Азербайджан).

Закончив среднюю школу, он в 1964 году поступил в Ереванский электромеханический техникум, после окончания которого с 1967 года работал на Степанакертской текстильной фабрике электромехаником и начальником цеха. Заочно закончил Минский институт лёгкой промышленности.

Петросян М.А. начал писать стихи в четырнадцать лет. Публиковался в газетах по месту жительства и учёбы («Бакинские армяне», «Коммунист», «Авангард»).

С 1992 года он живёт в Симферополе и активно участвует в культурной жизни армян. Готовится к печати сборник стихов М.А.Петросяна.

Пишет стихи на армянском языке.

ԻՄ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻՆ

Մեր անժայրածիր սար ու դաշտերից
Մնացել է մեզ մի թիզ քարքարուտ,
Բայց այդ թիզ քարից, մենք հող ենք ցանել
Ու շենք ենք հիմնել ձեռքով մկանուտ:

Մենք խեղճ գյուղերից քաղաքներ հիմնել,
Կուռ կամուրջներ ենք զցել գետերին:
Նոր ջրանցքների ակունք ենք փորել,
Ու վարդ է բացվել ապարած քարին:

Մենք քարից անգամ մետաքս ենք շինել
Ամպերից ուժով անձրև ենք քամել:
Սայթաքել հաճախ լերկ քարի վրա
Սակայն ոչ ոքի չենք տրտնջացել:

Մենք հայ ենք ծնվել մեր հողի վրա,
Կռվել հավատքի ու լեզվի համար
Ու դեռ հույսով ենք, որ Արցախիս պես
Կտեսնենք ազատ սարը Սիփանա:

МОЕЙ АРМЕНИИ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Где горы и бескрайние поля? –
От них совсем немного нам осталось:
Лишь только каменная земля,
Но здесь дома в садах прекрасных встали.

Из деревень создали города
И возвели мосты на наших реках,
И по каналам хлынула вода,
И розы расцвели для человека.

Из камня мы сумели сделать шёлк,
Дождём пролиться принудили тучи.
Поскальзывался часто тот, кто шёл,
Но никогда не жаловаться – лучше.

Мы родились армянами в сердцах,
Боролись за язык и веру люди.
Надеюсь, что увидим, как Арцах,
И Сипана свободной тоже будет.

ՀԱՅԻ ԱՂՋԻԿ

Հայի աղջիկ, թուխ աղջիկ:
Սևիկ-մևիկ զույգ աչիկ:
Դու լեռներից ցած իջած,
Մի եղնիկ ես սիրունիկ:

Հայի աղջիկ, նուրբ աղջիկ,
Նամուս պահող սուրբ աղջիկ,
Հայ տղային արժանի:
Տատի գործած գորգ աղջիկ:

Հայի աղջիկ, զարդ աղջիկ,
Վարդերի մեջ թագ աղջիկ,
Ով քեզնից հեռանա
Սրտում հավետ դաղ աղջիկ:

АРМЯНОЧКА

(Перевод с армянского Владимира Вартапьяна)

Армяночка смуглая
С чёрными глазками,
С гор ты спустилась,
Гордая лань.

Армяночка нежная,
Верная девушка
Армянскому юноше
Наречена.

Армяночка, ты – среди
Роз украшение.
Тебя кто покинет вдруг,
Будет глупцом.

ԴՈՒ

Դու բույրն ես քաղած իմ ալ վարդերի,
Դու ջուրն ես խմած իմ աղբյուրների,
Մերմիկ զեփյուռն իմ Մռով սարի,
Դու Քուռն ես, որտեղ իմ սիրտն է գերի:

Դու հազարի մեջ՝ տուն տանող ճամփա,
Դու իմ օրերը՝ այսօրվա, վաղվա,
Ափերը կապող կամուրջի կամար,
Դու օրացույց ես իմ ամենօրյա:

Դու՝ զարկը սրտիս, դու՝ պագը շրթիս,
Դու՝ կարմիր գույնը իմ արյան կաթի,
Իմ երազների ու սիրո հավքի
Թևին ուժ տվող երակն ես մեջքիս:

Դու՝ բախտը անտես ճակատիս գրված,
Դու՝ թռչող գորգը հեքիաթում պատմած,
Ախ տարիները գալիս են անցնում,
Բայց սիրտս նորից քեզնով է հարբած:

ТЫ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Ты – благой аромат мною сорванных роз
И источников тех, где я пил, ты – вода,
Ты – зефир с горы Мров, что прохладу принёс,
Ты – река, где в плену моё сердце всегда.

Ты – одна из дорог, вновь ведущих домой,
Ты – сегодня и завтра всей жизни года,
Ты – вся жизнь для меня, ежедневник ты мой,
Ты – тот мост, что скрепил берега навсегда.

Ты – стук сердца в груди, поцелуй моих губ,
Моей крови играющей красный ты цвет,
И мечты ты любви, лишь тебе был бы люб,
Ты мне силы даёшь, без тебя жизни нет.

Ты – судьба, что мне Богом навеки дана,
Для меня ты – из сказки ковёр-самолёт...
Пусть проходят года, ты пусть отдалена –
Только сердце тобою одною живёт.

ԳԱՐՆԱՆ ՔԱՄԻ

Գարնան քամի, ա՛յ քամի,
Մի պահ կանգնիր, ինձ լսիր,
Հենց որ հասնես հայրենիք
Հող ու ջուրս համբուրիր:

Մտիր ավեր իմ տունը,
Քսվիր քանդված պատերին,
Մեղմիկ շոյիր ճյուղերը
Անտեր թողած ծառերի:

Անցիր հանդ ու սարերով,
Հայոց ծաղկուն դաշտերով,
Խաչերին մեր հինավուրց
Խոսքերս տար աղոթքով:

Մտիր հայոց ամեն տուն,
Մանկան թշին պաչիկ տուր
Ու պար բռնիր խենթացած,
Թե հանդես կա հարսանյաց:

Վերադարձիր դու նորից
Մի բան պատմիր նրանցից,
Որ իմ սիրտը տրոփի
Թևիդ բերած լուրերից:

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Весенний ветер, на одно мгновенье
Остановись и выслушай скорей:
Ты поцелуй там землю нашу, воду,
Когда домчишь до Родины моей.

Зайди в мой дом, разваленный годами,
И прикоснись к разрушенным стенам.
Деревьев всех бесхозного ты сада
Погладь так нежно веточки ты там.

Ты пролети полями и горами
И над цветущей Родиной летай,
И древним нашим каменным крестам ты
Слова моей молитвы передай.

Зайди спокойно в каждый дом армянский
И деток нежно в щёчку поцелуй.
А если там вдруг где-то будет свадьба —
И ты, как сумасшедший, потанцуй.

И возвращайся, ветер, ты обратно
И расскажи мне что-нибудь о них,
Чтоб моё сердце снова застучало
От этих добрых весточек твоих.

ԱՄՊԵՐԸ

Դաժան հողմերից ամպերը չվում
Ու հեռանում են հայոց լեռներից,
Օտար երկնքում ծվատվում մաշվում,
Արցունքներ դարձած թափվում են վշտից:

Երբ միասին են ամպերը նույնիսկ,
Օտար ծովերից ուժ են առնում, ջուր,
Վերադառնում են նորից հայրենիք
Ու քչքչում է գետակը աշխույժ:

Ամպեր՝, հեյ՝, ամպեր հայոց լեռների,
Լավ է ցող դառնաք ձեր հայրենիքում,
Քան թե որոտաք հեռու ափերին,
Ուր ոչ մի մշակ ձեզ չի սպասում:

Հայոց լեռներից ամպերը չվում
Ու սփռվում են ամբողջ աշխարհով,
Հայրենի դաշտը, գետը ցամաքում,
Աչքը երկնքին ամպի կարոտով:

ТУЧИ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

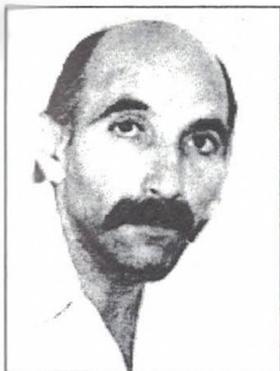
Смерчем жестоким они разгоняются
И покидают армянские горы.
В землях чужих они все растворяются,
Падают, будто бы слёзы от горя.

Вместе когда же они собираются,
Пьют из чужих морей силу и воду,
Снова на Родину все возвращаются –
Реки бурливы в любую погоду.

Лучше росой упадите на Родине –
Пусть дождик будет и чаще, и шире,
Чем греметь где-то путями, что пройдены,
Где вас не ждёт ни один пахарь в мире.

Тучи опять с наших гор разгоняются –
Будто в чужих краях будет им лучше...
Высохнут травы, река затеряется,
Взгляд ищет в небе армянские тучи.

Рушан ПИЛОСЯН

Пилосян Рушан Койрунович родился в 1953 году в городе Эчмиадзине (Армения) в семье служащих. После окончания средней школы поступил на филологический факультет Ереванского государственного университета, который закончил в 1976 году.

Работал в школах учителем армянского языка и литературы, экскурсоводом, преподавателем армянского языка в Ереванском педагогическом институте на факультете интенсивных методов обучения языкам.

С 1994 года Пилосян Р.К. живёт и работает в городе Симферополе.

До 1998 год он работал ответственным секретарём газеты Крымского армянского общества «Голубь Масиса». С 1994 года и по настоящее время работает редактором Армянской редакции радио ГТРК «Крым».

Стихи начал писать ещё в юношеском возрасте, но свои стихи впервые опубликовал в 1996 году в газете «Голубь Масиса». Рушан Пилосян принял участие в качестве редактора и составителя нескольких книг: детского песенника «Зангак», сборника сказок семи народов Крыма «Сказочное эхо» и детского сборника этих же народов «Крымская колыбель». Кроме того, он является автором школьной программы армянского языка для первого класса общеобразовательных школ с обучением на русском и украинском языках.

Пилосян Р.К. – член Национального совета армян Крыма. Пишет стихи и прозу на армянском и русском языках.

* * *

Ты говорила... Я молча стоял,
И мёрзли слова на губах.
Ты отвернулась, твой голос дрожал,
И слёзы сверкали в глазах.
Ты уходила... Костёр угасал –
Так тихо и пусто вокруг.
Не видела ты – я рядом стоял,
И лето мне вспомнилось вдруг.

* * *

Пока я тебя безумно люблю –
Тобой начинается каждый день.
Пока я тебя так страстно хочу –
Иду за тобой, как немая тень.
Пока я живу твоих ради глаз,
Рискуя совсем в них утонуть.
И жду я пока, что настанет час,
Но тогда оборвётся мой путь.

ДОРОГИ

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Куда ведёте, старые дороги,
 изношенные, пыльные дороги?
Из глубины былых тысячелетий
 вы к вечности шагаете дороги.

О чём рассказ ваш, долгие дороги,
 что шепчут ваши земляные губы?
У вас всегда одна и та же песня,
 кривые, молчаливые дороги.

Чего хотите, долгие дороги,
 в согбенных спинах тяжесть укрывая?
Не выпрямляют серпантинов спины
 от перенапряжения дороги.

Куда ведёте, длинные дороги,
 где указатель к вечности, дороги?
То падаете в пропасть вы, дороги,
 то ввысь стремитесь вдруг опять, дороги.

ПОМНИШЬ?

(Перевод с армянского Владимира Вартаньяна)

Помнишь?.. День сырой, дождливой осени,
Мокрая и голая аллея,

Шёпот наш звучал в туманной просини,
Губы от усталости атели.

Помнишь?.. Был совсем один тогда ещё...
Рядом ты – одна и молчалива.
Ветер воет душераздирающе,
Нам в аллее как-то сиротливо.

Помнишь?.. Листья проносились мимо.
Словно слёзы, дождевые капли.
И слова тоски невыносимой –
Как воспоминание. Не так ли?..

ՉԳՈՒՇԱԿԵՑԻՐ

Չգուշակեցիր...

Ես խենթ եմ, բայց ոչ քեզնով խենթացած...

Աշնան անձրևն է հոգիս խռովել –

Խելագարվում եմ այդ կեղտաջրից,

Ձմռան քամին է շուրթերիս սառել –

Դեռ դողում եմ ես չասված բառերից...

Չգուշակեցիր...

Սիրում եմ, բայց ոչ մարմինը քո մերկ...

Ինձ մերկ անտառը վաղուց է գերել –

Ես վախենում եմ քո մերկությունից:

Ծառերը նորից ճերմակ են հագել,

Ու ճերմակում եմ ես այդ շղարշից...

Չգուշակեցիր...

Ատում եմ, բայց ոչ բառերդ անխոս...

Ձմռան մրրիկը ատելություն է սերմանել վաղուց –
Յոգնել եմ ես այդ շաղակրատանքից:
Սառցե վանդակում՝ զրույցներ սառույց –
Յոգնել եմ սառցե այդ զրույցներից...
Չգուշակեցիր...
Երգում եմ, բայց ոչ հայացքդ թախծոտ...
Նոր գարուններ են երգում իմ սրտում –
Գինովանում եմ՝ այդ գարուններից:
Աշխարհը նորից կանաչ կհագնի –
Ես կխենթանամ երջանկությունից:

* * *

*(Авторизованный перевод с армянского
Владимира Вартањяна)*

Ты для меня — весны цветок,
Я пьян от аромата.
Я ж для тебя — сухой листок,
Дрожу всегда от взгляда.

Ты для меня — лазурь небес,
В ней утонуть легко мне.
Я ж для тебя — мрачней чем лес,
От грома плачу, молний.

Ты для меня — как солнца свет,
В лучах твоих я таю.
Я ж для тебя — лишь лунный след,
Один в ночи блуждаю.

Ты для меня — морской простор,
В волнах твоих тому я.
Я ж для тебя — речушка с гор,
Твоей воды хочу я.

ՄԱՅՐԱՆՈՒՄԻՑԻՑ ԱՌԱՋ

Մայրանուտից առաջ երկինքը բոց է շնչում,
Անպերը վարդ են դառնում՝ այտերը շառագունած:
Մայրանուտից առաջ արևը կանգ է առնում,
Մի վերջին, վերջին անգամ աշխարհով այս տարված:

Մայրանուտից առաջ անտառը լուռ է լինում,
Ծառերը քար են դառնում՝ անխոս ու խլացած:
Մայրանուտից առաջ արտերը լույս են բուրում,
Հասկերը՝ բազում մոմեր՝ ջերմ շողերից վառված:

Մայրանուտից առաջ բառերը զուսպ են լինում,
Խոսքերը կարճ են լինում՝ հապճեպ, նյարդայնացած:

Մայրանուտից առաջ աչքերը թաց են լինում,
Հայացքը ջերմ է լինում՝ բորբ արևից ծնված:

Մայրանուտից առաջ երգերը հին են լինում,
Մեղեդին՝ ծանոթ, մաշված, ինչպես մանկությունը:
Մայրանուտից առաջ ապրածը քիչ է թվում,
Իսկ կյանքը՝ անցած երազ, ինչպես այս աշխարհը:

ՀՐԱԺԵՇՏԻ ՊԱՅԻՆ

Իսկույն մի հեռացիր հրաժեշտի պահին,
Եվ մի շտապիր ասել՝ «Մնաս բարով»,
Թող որ երկար նայենք աչքերին,
Չէ որ բաժանվում ենք երկար ժամանակով:

Հրաժեշտի պահին արցունք մի թափիր,
Թող աչքերդ վճիտ, սիրտդ ուրախ լինի,
Չէ որ դեռ կա դրախտ՝ մեր երազը հիշիր,
Եթե հոգիս բեկված դժոխքում չտառապի:

Հրաժեշտի պահին էլ ի՞նչ բառեր ասեն –
«Հիշի՞ր», «Մի՞ մոռացիր»... Միամիտ չեն այդքան,
Միայն վերջին անգամ թող շուրթերիդ հավեն
Եվ քո շնչից գերված՝ ինձ երջանիկ զգան:

ՀԱՅԵՐԵՆ

Դու ինձ համար՝ ծաղիկ գարնան –
Քո բուրմունքից գինով են ես,
Ես քեզ համար՝ տերև աշնան –
Քո հայացքից դողում են ես:

Դու ինձ համար՝ երկինք լաջվարդ –
Քո կապույտում կորչում են ես:
Ես քեզ համար՝ թխպոտ մի ամպ –
Կայծակներից լալիս են ես:

Դու ինձ համար՝ արև պայծառ –
Քո բոցերից հալվում եմ ես:
Ես քեզ համար՝ լուսնյակ թշվառ –
Մութ երկնքում մենակ եմ ես:

Դու ինձ համար՝ ծով անսահման –
Ալիքներում խեղդվում եմ ես:
Ես քեզ համար՝ առվակ գարնան –
Քո ջրերին ծարավ եմ ես:

Ո՞ՒՐ ԵՆ ՏԱՆՈՒՄ ԾԱՄՓԱՆԵՐԸ

Ո՞ւր եմ տանում ճամփաները,
փոշոտ ու ծեր ճամփաները,
Բյուր դարերի խորքերից եկած,
հավերժության գիրկը քայլող ճամփաները:

Ի՞նչ եմ պատմում ճամփաները,
հող-շուրթերը ծամածռող ճամփաները,
Ամեն անգամ նույն միալար երգն եմ երգում
անխոս ու լուռ ճամփաները:

Ի՞նչ եմ ուզում ճամփաները,
ամբոխների բեռից կքած ճամփաները:
Ոլոր-մոլոր մեջքն եմ ուղղում
ու չեմ տնքում գերլարումից ճամփաները:

Ո՞ւր եմ տանում ճամփաները,
անհանգրվան, անուղեցույց ճամփաները,

Մեկ ձախ թեքվում, անդունդ իջնում,
մեկ էլ հանկարծ վեր եմ սուրում ճամփաները:

* * *

Հիմա իմ երկրում խավա՞ր է, թե՞ լույս,
Ի՞նչ արևներ եմ ծագում սարերում,
Այնտեղ տիրում է լռությո՞ւն անհույս,
Թե՞ քամիներն եմ անհոգի սուլում...

Հիմա իմ երկրում անծրև՞ է գալիս,
Թե՞ բուքն է ոռնում ցրտաշունչ ծնռան,
Քարափին նորի՞ց թռչունն է լալիս,
Թե՞ հեռացել է երկրից աննման...

Հիմա իմ երկրում ի՞նչ երգ եմ երգում,
Ծանո՞թ է արդյոք մեղեդին նրա,
Հույսը մարել՞ է մարդկանց սրտերում,
Թե՞ հավատում եմ, որ գարուն կգա...

* * *

Հիշո՞ւմ ես... Անծրև էր, աշուն,
Ծառուղին՝ թաց ու մերկացած...
Շշուկներ՝ կապույտ մշուշում,
Շրթունքների՝ բառերից հոգնած...

Հիշո՞ւմ ես... Մենակ էի ես,
Դու կողքիս՝ միայնակ ու լուռ...
Քամին էր խաղում սրտակեզ
Բաժանման ծառուղում իզուր...

Հիշո՞ւմ ես... Տերևն էր դեղնած,
 Կաթիլներ՝ անծրև-արցունքի,
 Եվ բառեր կարոտի անսանձ,
 Եվ հուշեր երկու սրտերի:

Ծ Ի Ր Ա Ն Ե Ն Ի Ն

Ճակատագիրը ծեռնոց է նետել...

Ճակատագիրը փորձում է կրկին...

Ձմռան պարզկա ու սառած երկինք, արծաթե լուսին՝
 սառույցի կտոր:

Եվ սառած մատներ ու սառած հայացք՝ ցուրտ ու
 կիսամութ սենյակում անշուք...

Հոգևաբք ապրող տխուր վառարան, որ ջերմություն է
 կորզում ավելի, քան թե տալիս է...

Եվ միայն միտքն է տենդագին գործում. ուղի, գեթ մի
 ելք փնտրելով խավար ու ցուրտ

այս վիհից դուրս գալու համար, քանզի մոխրացող,
 մեռնող փայտերը վառարանի մեջ վերջինն են, ավա՜ղ...

Իսկ վաղը, հետո, մյուս օրերին...

Երկինքը՝ սառած, լուսինը՝ սառույց, անշուք սենյակում
 ցուրտը ավելի դաժան կլինի,

իսկ ջերմացնելու համար էլ չկա փայտի գեթ մի շյուղ...

Իսկ ո՞րն է ելքը...

Ուղեղն անդադար գործում է, տքնում, փնտրում է,
 փնտրում ու...

Կայծակի պես հույսն է բոցկլտում ուղեղում հոգնած...
 Կա՛ միակ ելքը. ուրիշ ելք չկա...

Լուսնի կաթնագույն ու սառած լույսից ճերմակ են հագել կացնահար եղած բները մեծ ու փոքր ծառերի... Եվ միայն մեկը՝ ծիրանենին այն, որ ամեն տարի, ամեն գարնան հետ փթթում է՝ ճերմակ ու բուրումնավետ շղարշ սփռելով իր շուրջը շուրջը, իսկ ամռան տապին իր դեղնակարմիր և անուշաբույր պտուղն է մեկնում ամեն անցորդի... Ծիրանենին այն կանգնած է հպարտ: Նա դեռ չգիտի, որ մոտ է արդեն իր վախճանը վաղ...

Որ կացնով գինված՝ սառած մատներով, սառած հայացքով իր իսկ տնկողը և խնամողը՝

հուսահատ տենդով, մոլուցքով տարված, ուրիշ ելք չունի... և կայացրել է վճիռ անողը՝ պետք է զոհ գնա ծառը ծիրանի, որ սառած մատներ, հայացք չլինի...

Կացինն է փայլուն ծմռան արևի սառը շողերից § իր կացնային բուք համառությամբ կողն է մխրճվում ծիրանի ծառի՝ ո՞ր մեղքի համար... Տնքում է ծառը, հանց խոցված էակ՝ կանդանի էակ... Դիմադրում է ծառը ծիրանի և իր մերկացած ձեռքերն է պարզում դեպ երկինք՝ Աստված... Միգուցե գուրը շարժվի կտրողի... Բայց օգուտ չկա խղճուկ աղերսից, փրկություն չկա կացնի պատճառած խորունկ վերքերից... Իսկ տաշեղները... ամեն հարվածից մի պահ, կարծես թե, պարում են օդում խուսկան պարով սատանայական և անշունչ ընկնում սառն ու անտարբեր ծյունապատ գետնին...

Յոգնած, նվաղած ձեռքերը վայր են դնում կացինը և զգուշորեն ու դողդողալով հավում են բացված ու արյունածոր ծառի վերքերին... Ա՛խ, ինչքա՛ն տաք է մարմինը ծառի, ինչքա՛ն անուշ է բույրը ծիրանի... Եվ դեռ շնչո՛ւմ է, շնչո՛ւմ է նրա մարմինը խոցված, նա դեռ կանգուն

«Твои глаза – мои дороги, страны...»	153
«Не грусти, родная, не грусти.»	153
«Робкий взгляд и губ стремление...»	154
«Я расшифровывал печать...»	154
«В роднике твоих желаний...»	155
«Я верил в Вас, как в Бога...»	155
«Любовь пришла неожиданно, незаметно...»	156
Восточные мотивы	157

Марат ФАЙЗИ

Алим и Ашхен (<i>По мотивам крымских легенд</i>)	159
Как богатырь Морозко добрым дедушкой стал (<i>Сказка</i>)	167
Севастопольский камень (<i>Героическая новелла</i>)	170

Наира ЧАТИЛЯН

Белые тучки	173
Вслед за мечтой	173
Родина	174
Крым	174
Белый снег	175
Мама	175
«Ручей журчит и раннею весной...»	177
7 декабря 1988 года	177
«Смешно, когда нас грешник судит...»	177
Арарида	177
Песня	177
Подаренное время, или <i>Мираж</i>	178
Улыбка	179

Сдано в набор 10.10. 2003. Подписано в печать 13.12. 2003.
 Бумага офсетная. Гарнитура Antiqua. Печать офсетная.
 Тираж 300.

Издательство «ДОЛЯ»: 95022, г. Симферополь,
 ул. Виноградная, 22. Тел./факс: (0652) 57.30.01

E-mail: vbasyrov@mail.ru.

Свидетельство о регистрации:
 ДК № 343 от 23.02. 2001.

է, դեռ չի տապալվել, դեռ մրմնջում է իմ ծիրանենին.
,Ամենակարող Աստված դու հզոր ո՞ր մեղքիս համար...ե:

Եվ շանթահար է լինում ուղեղը. ձեռքերը մեղք են գործում
ահավոր՝ ծիրանենի են սպանում անմեղ, ո՛չ, մեղեդի են սպ-
անում հազար, որ պիտի հնչեն դուդուկներից այն: Դուդու-
կներ, որ պիտ ծնվեին վաղը, կամ գուցե մի օր, այս ծիրան-
ենու փայտից կենդանի, շունչ պիտ առնեին իրենց մայր ծառից
և չնաշխարհիկ ելևէջներով պիտի շոյեին ունկը լսողի...

Բայց եթե դիմես խղճիդ սեփական՝ այսօր և վաղը և էլի
օրեր ու ձիգ շաբաթներ (մինչև կավարտվի ծմեռը դաժան),
դարձյալ կմնաս սառած մատներով, սառած հայացքով և ոչ
միայն դու, այլ և հարազատ քո ընտանիքը, զավակները քո,
որ քեզ վրա են լոկ հույսը դրել...

Այնպես որ, վերջ տուր այդ սրտաճմլիկ մտքերիդ հիմա և
զոհ մի գնա խղճմտանքներիդ, թե չէ կսառչեն մատներ
բարալիկ, հայացքներ անմեղ... Գարնանը նորից ծառեր
կտնկես՝ մեկի փոխարեն՝ տասը, քսանը, գոնե դրանով մեղքդ
կքավես:

– Բայց մեղք ենք գործում, – կրկնում են նորից ձեռքերը
հոգնած, սառած մատները, հայացքը սառույց:

– Մենք մեղք ենք գործում... Եվ կպատժվենք հանցանքի
համար: Չէ որ այս ծառը, այս ծիրանենին կարծես մարդ
լինի՝ միս ու արյունից, ամեն հարվածից խուլ հառաչում է
և անօգնական իր մերկ ճյուղերը պարզում է երկինք՝ օգնու-
թյուն հայցում...

– Թե շարունակվի այս երկվությունը՝ կխելագարվեն...
Վե՛րջ, վե՛րջ կասկածին ու տվայտանքին՝ քեզ են սպասում
սառած հայացքներ ու սառած մատներ...

Նորից կացինն է փայլում սառն օդում, շարունակվում են

հարվածները բուժ: Աստիճանաբար տեղի է տալիս ծառը ծիրանի՝ տաշեղներ սփռում իր բնի շուրջը: Էլի մեկ հարված բթամիտ կացնի, որ չորն ու թացը չի զանազանում... (բայց ինչո՞ւ կացնին բթամիտ կոչել, երբ հենց կտրողը...): Եվ խուլ մոլուցքով տարված ծեռքերը պատրաստ են վերջին հարվածը հասցնել, ու... վերջ կասկածին, վերջ երկվությանը՝ գործն ավարտված է... Թե ինչ կլինի հետո՝ թող դատի ապագան կամ հենց ինքը՝ Աստված...

Պատիժը երկար սպասել չտվեց Տ վրա հասավ այնքան, այնքան շուտ, անսպասելի, որ չհասցրեց ուղեղն ընկալել և պաշտպանվելու մի հնար գտնել... Այդ ինչպե՞ս եղավ...

Արդյոք մատները շա՞տ էին հոգնած, հայացքը սառա՞ծ, թե՞, հաղթանակի բերկրանքով գերված, ուշադրությունը շեղվել էր մի պահ... Դժվար է ասել... Այն օրհասական, միակ հարվածը, որ պետք է լիներ ամենավերջինն ու վերջ տար բոլոր հարցականներին, հանկարծ շեղ իջավ...

Չարախնդորեն կացինը փայլեց ծնռան արձից Տ, իր կացնային բթությամբ հանդերձ, նենգորեն (իբր՝ միամտորեն), իջավ կտրողի անզգույշ ոտքին...

Տարիներ անցան...

Տարիների հետ վերքը ամոքվեց ու սպի դարձավ: Մարմնական ցավն էլ հետը չքացավ:

Բայց ամեն անգամ սպին տեսնելիս՝ ծիրանի ծառը վերհուշի նման այցի է գալիս իրեն հատողին: Տխուր վերհուշից, հոգեկան ցավից սիրտը նվվում է, արագ տրոփում, իսկ հուշը տխուր ժամանակի հետ չի անցնում անհետ... Եվ դեռ շատ երկար, գուցե մինչև մահ, հիշեցնելու է ծիրանենին այն, որ կրակ դարձավ, ծխի պես կորավ ծնռան երկնքում, և ամեն գարնան հետ չի ծաղկելու, պտուղ չի տալու, որ մեղեդիներ

ликий, убили невинное дерево абрикоса, нет, убили мелодии, которые должны были зазвучать из живого дерева, которые родились бы завтра или днём позже, вдохнув аромат родного дерева, услаждали бы слух каждого...

Но, если внимать своей совести, то сегодня, завтра и ещё много дней (до окончания этой лютой зимы) останешься с замёрзшими руками, замёрзшим взглядом – и не только ты, но и вся твоя семья, дети твои, которые так надеются на тебя... Так что кончай с этими грустными мыслями и не стань жертвой собственной жалости, а то замёрзнут пальцы тонкие, взгляды невинные...

Весной снова посадишь деревья – десять, двадцать... Так искупишь свою вину.

«Мы грех совершили, – повторяют руки уставшие, пальцы замёрзшие, взгляд застывший, – ведь этот абрикос, это дерево – как человек: из плоти и крови. При каждом ударе топора оно глухо стонало и беззащитно простирало свои ветви к небу, молило о помощи...».

Если будет продолжаться такой разброд чувств, то можно сойти с ума...

Хватит, сомнениям конец, тебя ждут замёрзшие взгляды и пальцы замёрзшие...

И снова топор засверкал в морозном воздухе. Его удары посыпались один за другим. Потихоньку сдаётся абрикосовое дерево, щепки стелются вокруг пня. Ещё удар тугоголовым топором (при чём тут топор?) и, забывшись в глубоком экстазе, руки готовы нанести последний удар и... всё, конец сомнениям, конец фантазиям, дело сделано, что будет потом, лишь одному Богу известно...

Кара не заставила себя долго ждать: настигла так быстро и неожиданно, что мозг не успел осознать и защититься. Как это случилось? То ли пальцы были слишком уставшие, то ли взгляд был замёрзшим совсем, то ли, упоённый ароматом победы, отвлёкся на миг... Трудно сказать. Но тот самый последний, роковой удар, который только собирался нанести, вдруг мимо пришёл... Блеснув в свете зимнего солнца, топор соскользнул и, пролетев мимо дерева, ударил по столь же замёрзшей ноге обидчика...

Прошли годы... Рана затянулась в шрам, и боль телесная ушла. Но всякий раз при виде шрама в памяти всплывает абрикосовое дерево, приходит к тому, кто его срубил. И сердце щемит от грустного воспоминания... Эта боль не проходит с годами и долго, долго ещё, может, до самой смерти, будет напоминать о дереве абрикоса, ставшем огнём, исчезнувшем с дымом в зимнем небе.

Оно не будет цвести каждую весну, не будет приносить плоды, не будут звучать новые мелодии из дерева, не ставшего дудуком. Но оно будет напоминать о замёрзших пальцах и замёрзших взглядах, которые отогрел огонь абрикоса. Оно будет напоминать печальный отрезок нашей жизни, который никакое палящее солнце не согреет, потому что нельзя стереть нашу память. Чтобы больше не было замёрзших пальцев и взглядов, чтобы не было деревьев, нами убитых, давайте каждую весну сажать деревья — во имя добрых и хороших дел, во имя радости и улыбок, во имя справедливости и жизни...

* * *

Всё могут мудрость и года —
Ошибки сбывшейся мечты.
И как цветы, и как вода,
Понятны нам без суеты...

Они — венчальный сонм надежд.
Друзья умов, а иногда
Завистники самих невежд...
Всё могут мудрость и года...

Возвысить вдруг и обезглавить,
Найти такое иногда...
Самих себя понять заставить...
Всё могут мудрость и года...

* * *

Кажется — эхо колеблется,
Тонет в пространстве пустом...
Сказочная волшебница
Манит книжным листом...

Лёгкие строки истаяли
Души печальной труды...
На память они оставили
Где-то свои следы...

Отзвуки сна божественны
Ночью при первой звезде.
Кажется нежным и женственным
Всплеск на талой воде ...

* * *

Дочери Эминэ

Есть в сердце у меня страна,
Там песня дней тобой полна,
Твоей душой озарена,
И по тебе грустит она...

* * *

Дочери Гаянэ

В голубом царстве неба
Парят облака,
И летит моя птица, нежна и легка...

А знакомый художник своею рукой
Нарисует тебя...
Только сердце открой...

* * *

Армении

Родниковой далью ты к себе манила,
Гулким горным эхом
Радостно позвав.

И в пути надеждам прибавляла силы,
Родину вторую мне навеки дав.

И на жизнь меня ты
Вновь благословила,
Древняя, святая, лучшая из стран.
И тебя любимой я зову и милой,
Гордый, неприступный, юный Айастан...

* * *

Адринэ

День прошёл... Лето стало короче...
Мне не спится. И этой ночью
Удлиняю день при луне...
Понимаешь меня, Адринэ...

Я хочу насовсем здесь остаться,
Новой родине сердцем отдаться,
Чтобы гимны ей петь по весне...
Понимаешь меня, Адринэ...

Пусть судьба моя будет разной...
Не гонюсь я за жизнью праздной,
А учусь и всю жизнь аррнепез...
Понимаешь меня, Адринэ...

* * *

Манушак

Твои глаза — мои дороги, страны,
Моя мечта и мой счастливый век.
Твои глаза — то веселы, то странны...
В них горных рек стремительный разбег...

Твои глаза — колодец мой бездонный,
Твои глаза — пленительная власть...
Они бывают нежностью так полны,
Но можно в них, как в омуте, пропасть.

Твои глаза — и радость, и печали.
Их нежный свет всегда я берегу...
Твои глаза... О, лишь бы не молчали.
Все, что захочешь, сделать я смогу...

* * *

Не грусти, родная, не грусти.
Вновь подует свежий тёплый ветер...
Помнишь, как недавно он гостил,
Летний день встречая на рассвете...

Суетился, снова навевал
И лелеял пылкие признания,
Незаметно тихо напевал
Песню встречи или расставания...

Я дыханье ветра слышу вновь...
Листья с позолотой улетают...
И стремится снова к нам любовь...
Будоражит, радует, ласкает...

* * *

Робкий взгляд и губ стремленье,
Трепет нежных рук
Ты сегодня на мгновенье
Подарила вдруг.

Я поверю откровенью
Светлых глаз твоих,
Этим сказочным движеньям —
Чтоб запомнить их.

* * *

Я расшифровывал печать
Твоих шагов, твоих движений...
Не мог и ночью убежать
В благословенность сновидений.

Ты шла... И я шёл за тобой,
Боялся упустить мгновенья
Твоей походки озорной,
Чтоб приучить себя смиренности...

Ты оглянулась... Или нет?
Но это снова дуновенье
Моей мечты, моих примет
Зеркальное отображенье.

* * *

В роднике твоих желаний
Я мечтаю оказаться...
В водопаде ожиданий
Исккупаться, расплескаться...

В омуте твоих сомнений
Я рискую утонуться...
И манящее стремленье
Помогает нам раскрыться...

* * *

Я верил в Вас, как в Бога...
Вы лгали мне всегда.
Бесцветны и убоги
Теперь мои года...

И всё-таки из плена
Вновь вырваться я смог
Любое чувство — тленно.
Не Вы теперь мой Бог.

* * *

Любовь пришла неожиданно, незаметно,
И стали явно нежные картинки
Моих желаний...
В мире столь суетном
Стихи писались тонкой паутинкой...

Есть города, которые мне снятся,
На встречу с ними я всегда спешу...
А годы, как мгновенья, быстро мчатся,
Но лишь тобою, город мой дышу.

И городу родному ораторию
Поют мои взволнованно уста.
Мой юный, древний город – Евпатория,
Ты из забвенья вечности восстал.

Мой город – море, пляжи и лиманы,
Мечеть Джума Джами, Катык-базар...
Мой город – переулки и фонтаны,
Волшебный парк с названием Курзал.

Мой город – дом Дувана и причалы,
Соборов православных купола...
Мой город – для меня всего начало
И вечная опора и хвала...

Мой город – символ дружбы
всех народов...

Армянский храм, кенасы, синагога...
Легко объединил века и годы
И вывел всех на светлую дорожку...

Мой город – доктор. Взрослые и дети
Сюда летят, стремятся отовсюду.
Мой город их умеет лаской встретить
И с солнцем в сердце уезжают люди...

Мой город дарит счастье материнства
И пишет новую историю...
Будь берегом надежды и единства
Мой вечный город – Евпатория.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

Если б вдруг волшебник появился
И с тебя бы сбросил покрывало,
Стан бы твой таинственно открылся
Красотой своею ослепляя...

Если б не горел при виде милой,
Если б не был опьянен желаньем, –
Стал бы кипарисом сиротливым
В той долине грёз и ожиданий...

Если б моя арфа не запела,
Если б не был я любовью болен, –
Оказалось всё б осиротелым
И остался б без любви я болен.

Марат ФАЙЗИ

Филолог и журналист Марат Хадыевич Файзи (Саркисов) родился в 1925 году в городе Симферополе. В 1937 году, после ареста отца, члена правительства Крыма, вынужден был сменить место жительства.

Участник Великой Отечественной войны 1941 – 1945 г.г. В 1952 году он окончил Латвийский государственный университет. В 1956 году, после реабилитации отца,

М. Х.Файзи вместе с матерью вернулся в родной Крым. С 1960 года работал в системе Управления культуры Крыма.

Популяризируя национальную культуру народов Крыма, издал ряд методических и фольклорных сборников, в том числе книги «Легенды, предания и сказки Крыма» и «Армяне в крымских легендах». С 1999 года Марат Файзи публикует крымские легенды и предания, в том числе и армянские, в газетах «Республика Крым» и «Голубь Масиса». Пишет прозу на русском языке.

АЛИМ И АШХЕН

(По мотивам крымских легенд)

Редко рассказывали люди историю любви разбойника Алима и прекрасной Ашхен.

Одни считали главным в его судьбе одно, другие – другое. Но кто знал, что Алина спасла любовь...

Когда жадный до чужого добра карасубазарский мурза Ибрагим Копегский обездолил семью Алима, тот после горьких мытарств попал в услужение к купцу Бабаджаняну. Сделал его купец садовником. Много земли перекопал Алим, посадил целый сад, и даже розы вырастил. Доволен был купец старательным работником и не заметил, как его дочь, прекрасная Ашхен, влюбилась в садовника. Отец не верил слухам, пока не увидел, как запылала весна в сердцах молодых.

Тогда встретить солнце Нового дня (невреза) собралось много молодёжи. И первым весенним цветком среди девушек была Ашхен в своём белом платье. На тонкой шее её, скрытое волнистыми локонами, сверкало жемчужное ожерелье. Когда к девушкам приблизилась группа парней, один из них, лёгкий и стройный, кружась вокруг Ашхен, пытался увлечь её в круг танцующих. Это был садовник Алим. Девушка потянулась к нему, не в силах сдержать свои чувства. Но вдруг, устыдившись людей, резко отпрянула. Тонкая нить её ожерелья порвалась. Алим, утешая девушку, нагнулся, чтобы собрать рассыпавшиеся жемчужины. И тут, откуда ни возьмись, появилась стража и схватила парня. Они стали кричать, что юноша хотел похитить чужое добро.

Алима увели в тюрьму, а позже, обвинив его в уклонении от воинской повинности, отправили в Бобруйскую крепость.

Ашхен не могла успокоиться. Она упрекала себя в случившемся, говорила отцу, что любит Алима, что не может жить без него.

Минас Бабаджанян не понаслышке знал, что такое любовь, и ещё лучше знал свою дочь. Ашхен всё равно сделает по-своему, если даже на цепь её посадить.

Чтобы избежать кривотолков, влиятельный купец стал хлопотать о переводе Алима в Крым. Он посылал властям прошения, а коменданту крепости, где содержали Алима, — деньги и подарки.

Но власти не вняли просьбе купца. Тогда Алим совершил побег из далёкой крепости и вскоре объявился в Крыму.

Началась полная опасностей жизнь айдамака (разбойника).

Первый, кого навестил Алим, был обездоливший его семью Ибрагим Копегский. Самого мурзу Алим не тронул, только увёл из конюшни белого коня скифской масти, способного скакать сутками напролёт. Увёл не для скачек — для набегов...

Разные люди попадались Алиму на лесных дорогах. Зная, как бедствуют пастухи, Алим подстерёг экипаж владельца отузских земель генерала Бокарюкова, и направил ужьё на ямщика.

— Стой! Деньги и ценности на дорогу!

После недолгого замешательства перепуганный гене-

рал выбросил на дорогу свои деньги и драгоценности. Вскоре у бедных отузских пастухов появились кони, одежды и сапоги.

За первым налётом последовали второй, третий. Власти со страхом говорили о дерзком разбойнике, а в аулах – о благородном джигите, который восстанавливал справедливость там, где она отсутствовала. В Таракташском лесу он наказал пройдоху-купца, обманывавшего крестьян. Под горой Агармыш он высек того, кто хвастался, что поймает Алима. В Отузах спас дочь бедного отца от домогательств ростовщика...

Шло время... Народ наделил Алима волшебной силой. Он «легко разбивал кандалы и засовы», «исцелял от ран при свете звёзд», а «белый конь его скакал так, что догнать его мог только орёл».

Рассказывают, что друг Алима Батал, которого он спас от тюрьмы, предложил навестить роскошное имение богатого художника Айвазовского. Но Алим заметил, что хозяйин Шейх-Мамай, будто бы в подарок будущей жене, дорогу и водопровод проводит.

– Деньги ему некуда девать, – зло сказал Батал, – потряси его мощну, пусть не задаётся.

Не всегда соглашался Алим с другом. Когда-то тот назвал любовь Алима к Ашхен слабостью, но Алим до сих пор не может забыть её. Однако на этот раз он послушал

Батала и заглянул в имение Шейх-Мамай. О чём говорить с художником, который создавал красоту, он не знал. Алим имел дело с теми, кто только тем и занимался, что наживал богатство за счёт других...

– К Вам Алим Азамат-оглу, – доложил слуга.

«Что же ему надо от меня,» – подумал озадаченный художник и прошёл в зал, где разглядывал его картины стройный, со вкусом одетый человек. На продолговатом лице – чёрные усики, серые добрые глаза. Да тот ли это Алим, что держит в страхе всю округу?

– Нравится?

– Да, как живые. Вот ущелье Ялыбогаз, скала Гикенын-Хаясы, Судак-лиман-бурун. Знакомые места. А от волн просто дух захватывает... Вы не боитесь меня, Ованес-ага?

– С какой стати? Ведь ты, говорят, любишь больше давить, чем брать.

Забыв о художнике, Алим ходил от картины к картине, рогал пальцами и всё удивлялся, как это так красиво получается... Здесь, в этом зале, среди сплошной позолоты, архатных портьер и хрустальных люстр... Прежде был верен, что земля крымская близка и дорога лишь простым безразлична тем, кто утопал в роскоши.

– Ты чем-то удивлен?

– Да, скажи мне, Ованес-ага, мог бы ты отдать бедняку самое дорогое свое сокровище?

Художник, ни слова не говоря, взял гостя за руку, подвел окну, распахнул его.

Свежий ветер заполнил зал запахами трав, шёпотом эрвьев и веселыми голосами птиц, наперебой пытавших и поведать им о радости наступившего дня.

– Всё, что ты сейчас видишь и слышишь, гость дорогой: зеты, которые вот-вот вспыхнут всеми красками земли; инии горы, что берегут от меня бесконечную красоту моря;

вся эта зеленая голосистая жизнь — разве могу я отдать их кому-то?

Алим отвернулся от окна, взгляд его смущенно скользнул по картинам, о каком подарке просил он художника, когда вся его жизнь — подарок людям!

— Таких, как ты, немного, Ованес-ага. Люди говорят, что твоя свадьба скоро. Разреши подарить невесте что-нибудь хорошее?

Они тепло простились. Покидая Шейх-Мамай, Алим ясно представлял себе, что по этой дороге скоро покатают нарядные кареты с веселыми и шумными гостями. В одной из них, сияя от счастья, будут сидеть молодые. У него никогда не будет такой свадьбы! Другая судьба у Алима. Ну что ж! Порадуется он чужому счастью.

Обещание свое Алим сдержал. Через неделю, когда свадебный поезд подъезжал к имению, всадник на белом коне поравнялся с каретой молодых и, грациозно кланяясь, передал в открытую дверцу шкатулку с дорогим подарком, пожелав счастья от Алима.

Рассказывают, что мурза Копегский не раз объявлял всем, что поймает проклятого разбойника. Охотясь за Алимом, он даже менял лошадей и коляски, чтобы не быть узнанным. Иногда за мурзой по лесным дорогам скакал какой-то джигит... «Кто только не охотился за этим разбойником, — думал мурза, — но поймать его должен я».

И вот как-то навстречу незнакомой коляске выехал на дорогу, ничего не подозревавший, Алим. Люди говорили, что за всю жизнь он не убил ни одного человека и первым не стрелял. Мурза знал это и выстрелил в упор. Но конь Алима встал на дыбы, и пуля просвистела мимо.

– Теперь не уйдёшь, – крикнул мурза, выскочил из коляски, перезарядил пистолет, прицелился...

Раздался выстрел. Алим невольно пригнулся. Но, увидев, как раненный в руку мурза, выронив пистолет, бросился бежать, возмущённо обратился к подъехавшему джигиту:

– Эй! Ты чуть было не убил моего врага!

И не поверил своим глазам: перед ним в костюме юного джигита легко гарцевала на коне Ашхен.

– Ты! Почему здесь?

– Охотилась за Алимом, как этот трусливый мурза.

– Так кто из вас настоящий охотник? – и Алим расхохотался. – Конечно же, ты, а он – приманка. Ты попала, он промахнулся!

– Нашла, наконец, я нашла Алима. Сколько дорог объездила!

Вот как неожиданно свалилось на него счастье.

Алим повёл свою спасительницу к себе во «дворец». Дворцом оказалась одна из пещер, «убранство» которой состояло из охапки сена и конской упряжи.

– И это твоё убежище, герой? – спросила Ашхен.

«Убежище моё – твой лик прекрасный», – подумал Алим, а вслух сказал другое:

– Да. Ашхен, надо быть выносливее зверя и терпеливее дерева, если хочешь оставаться человеком.

– Тебя и так любят, Алим.

– Любят хорошие люди, а плохие боятся.

– Значит, я тоже плохая, я боюсь за тебя.

Уста девушки улыбались, а глаза плакали. Алим нежно обнял Ашхен и сказал:

– Ты в сердце моём, хоть вместе мы , хоть врозь. Теперь врозь не будем.

Каждый приход Ашхен к Алиму был для них тайным праздником. Переодевшись в мужскую одежду, Ашхен скакала навстречу с любимым и перед входом в его «дворец» произносила: «Это я, свет мой». Прощальные её слова звучали как молитва:

«Пусть хранит тебя любовь моя».

И хранила его любовь Ашхен. Всюду искали Алима. На окраинах сёл, в лесах и пещерах. Искали в одиночку и целыми батальонами. И когда преследователи теряли уже всякую надежду найти его, разбойник, дразня их, возникал на горной вершине или объявлялся в центре Симферополя у самого дома губернатора. Словно издевался Алим над теми, кто преследовал его. Но эта игра со смертью очень тревожила купца Бабаджаняна, обеспокоенного судьбой дочери.

– Ашхен, дорогая, – уговаривал он дочь, – коль полюбила ты на свою беду, так уезжай с ним за границу. Я всё устрою, дам денег.

Но Алим тянул с отъездом. Нелегко ему было покидать родные места, людей, которые спасали его. И не слушал он Ашхен. Решил заработать на дорогу, ограбив казначея. Удача, на сей раз, отвернулась от него. И угодил Алим в засаду, а потом и в тюрьму. И здесь не оставила в беде своего возлюбленного Ашхен. Подкупив тюремщика, ей удалось передать Алиму всё необходимое для побега. Глубокой ночью, сбросив верёвку, Алим стал спускаться с тюремной стены. Девушка ждала его внизу вместе с верным Баталом. Спрыгнув , он сразу попал в объятия своей

пасительницы. Но караульный на вышке заметил их, проземел выстрел, и Ашхен как-то странно повисла на руках лима. С помощью Батала взобрался Алим на лошадь вместе с терявшей сознание девушкой. Батал отвлек погоню.

Ушли они от погони, но Ашхен спасти не удалось.

Много людей пришло на её похороны. Хоронили девушку в канун невреза.

Всё цвело вокруг, радовалось жизни. Алим прощался с Ашхен, стоя на высокой скале, и слёзы застилали его глаза. Уходила радость его жизни. Не увидит он больше любимых глаз, не услышит её голос: «Здесь я, свет мой!».

Не мчался его конь с похорон, а плёлся мимо зелёных лугов в светлый месяц весны. Не замечал Алим ничего, кроме холодного неба и речки, блестящей, как сабля, инутая из ножен.

Старики, совершая намаз, теперь ещё более, чем прежде, изывали Аллаха, чтобы хранил он Алима от беды. Но после смерти Ашхен уже как-то не хотелось

Алиму спастись. Говорят, не стало той, чья любовь хранила его, как талисман. И поняли люди, что пришёл айдану конец.

Но легенды не хотели расставаться с ним. Говорили, так и не был пойман

Алим, и не судили его, и не отправили на каторгу, а будто цели его люди, как сражался с недругами храбрый джигит. И так, в трескотне выстрелов, размахивая саблей, ускорил он на белом коне в чащу леса, и увёл с собой, словно в плену, свою буйную и бесшабашную жизнь...

КАК БОГАТЫРЬ МОРОЗКО ДОБРЫМ ДЕДУШКОЙ СТАЛ

(Сказка)

Скоро ли, долго ли ездила по крымской земле Зимушка-Зима, а снег никак не держался. По горам и долам плелась, понуриив голову, её пегая лошадка, и тянулась за

Зимой целая свита: вьюги, метели, позёмки-поползухи. Просили все дать им поделье.

А без снега и делать нечего.

Прослышали позёмки-поползухи, что в северном лесу богатырь-молодец живёт.

Волосы у него, как снежные облака, а от студёного его дыхания охотники разбегаются, медведи в берлоги прячутся, а в горах на весь год снег застывает. И зовут того богатыря Морозко.

– Найдите его, – сказала Зима позёмкам-поползухам. – Пусть явится ко мне во всей красоте и силе. Не обидим молодца.

Услышал Морозко, что зовёт его красавица Зима, явился к ней, сверкая инеем да звеня сосульками.

– Думала, что сверкающим вихрем влетишь, – сказала Зима. – Разве нет у тебя лучших украшений?

– Есть, – задиристо ответил Морозко. – Ты царевна, тебе служить буду. А иней и сосульки – слёзы и слова замёрзшие, тобой неслышанные...

– Забавник ты, Морозко. С тобой не соскучишься. А скажи, готов ты верным остаться, когда время моё стариться придёт, а заодно и тебя дедом назовут?

— Готов, — не раздумывал Морозко, — на всё ради тебя готов.

— Смотри же, сдержи своё слово. А коли готов быть помощником, сделай так, чтобы всё вокруг стало белым от снега, — сказала Зима и вдруг поцеловала молодца.

Устоял Морозко. Не застыла кровь в жилах от холодного поцелуя. Сам-то ведь кого хочешь застудит и заморозит.

Вот тогда-то и замели метели на крымской земле. Закужились, пугая всё живое, снежные вихри на горных перевалах. И обрадовались позёмки-поползухи, что морозит богатырь всех без разбору. Им бы только покуражиться.

— Никому не давай спуска, Морозко, крепчай по ночам, чтоб знали, чья власть и чтоб дары нам со страху несли. А ты молодец, даже солнце напугал. Смотри, совсем укоротились дни-то.

Тут и впрямь приметил Морозко, что наступила пора анних сумерек. «Выходит, я такой мощи набрался, — подул он, — что солнце передо мной робеть стало!».

А солнце и не думало робеть. Пришёл день, когда поднялось оно над землёй чуточку раньше. Обрадовались люди, то ночи короче стали, и начались тут новогодние праздники и весёлые гулянья. Пляшут, заводят игры у костров, здают в гости друг к другу, распевают песни, и мороз нипоём! По льду катаются, с горок съезжают и, обнявшись, эхочут:

— Эй, Мороз! Сдружил ты нас, спасибо!

Увидел Морозко, что выносят ему люди кутью, мёд и радости всякие и ещё говорят при этом:

– Принимай дары, может, станешь добрее...

Вот как оно повернулось. И хорошо, весело стало вдруг. Перестали его бояться те, кому дарил он румянец жаркий и крепость телесную. Стал он, играючи, бодрить и веселить честной народ, охотно мостил ледовые переправы через реки, рисовал замысловатые узоры на оконных стёклах...

Обидно стало Зиме, что забыл о ней Морозко, а люди в её зимние праздники славили солнце, что на весну повернуло. И только в февральских окнах Весна-молодица показалась, так Морозко к ней потянулся... Совсем горестно стало Зимушке-Зиме, забыл он, что всю власть ему дала, что немолод уже и люди давно дедом зовут.

...Пыталась уговорить: «Одумайся, Морозко!». Не одумался, вскружила голову

Весна, а у самого незаметно длинная седая борода выросла.

Сама не своя стала Зима. Постарела быстро, плаксивой стала, а злые позёмки-поползухи всё нашёптывают: «Накажи ты его, накажи, царица. Снова станешь молодой, а он пусть так дедом и останется».

Что делать Зиме? Не помог ей, ослабевшей, Морозко. Не сдержал своего слова быть верным до конца, пусть теперь навсегда дедом и остаётся...

Только к весне он исчезает куда-то. Каждому свой срок. Говорят, уходит на Север, к ледяным чертогам Зимы, где когда-то лихо загонял медведей в берлоги и где даже летом в заснеженных горах чувствуется его леденящее дыхание...

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ КАМЕНЬ

(Героическая новелла)

*Эдуарду Асадову – одному
из защитников Севастополя*

Шлюпка с ранеными торопилась к катеру и в темноте ткнулась на какую-то связку деревянных обломков. На них дом держался человек в пропитанной кровью тельняшке. Лежа на импровизированном плоту, он держался за его край одной рукой, а другой зачем-то стучал камнем по доске.

Зацепили плот куском парусины. Когда доплыли до ка-ра, сняли и Неизвестного моряка, который непонятно чем ел ещё. Наверное, как и все они, презрением к смерти...

Поместили его рядом с другими ранеными на палубу брезент. Лежал он, большой и бледный, отдавший Севастополю всю кровь, что билась в венах. Лежал и не двигался. Только рука с зажатым в ней камнем выстукивала своё: три точки, три тире, три точки. Знакомый всем морякам сигнал бедствия!

— Чего это он? Эй! Перестань панику пороть! Мы же тонем!

Неизвестный моряк будто ничего не слышал. Его глаза были закрыты, с лица не сходила тревога. Словно в забытьи, двигалась кисть его руки. И раздавался звук.

Час, другой, третий... Раненые не один раз успели попить и попить. Неизвестный моряк не ел, не пил и ни о чём не просил.

Кто-то пытался разжать его руку и силой вытащить оттуда камень, но не смог.

Словно неземная сила сжимала пальцы.

Потом подошёл к нему командир катера. Долго стоял, вглядываясь в лицо моряка, устало смотрел на движение его руки, посылавшей сигнал. Кому? Зачем? «Спасите наши души!». Почему – души? Командир, может быть впервые, задумался над смыслом этих слов...

Как спасти раненых, он знал. Если они благополучно минуют бомбы и мины, там, в Новороссийске, их ждёт полевой госпиталь. Да, этих ребят спасут и многих, многих поставят на ноги. Но как спасти души, опалённые горечью и болью, как успокоить этого моряка, которого оторвали от Севастополя? Как успокоить всех их, плывущих и бредущих сейчас неведомо куда от того места, где осталась душа каждого из них?

«Спасите наши души!». Нет, эту мольбу рождает не страх. Стучало его сердце теплившейся в нём надеждой: «Защитайте, не отдавайте врагу Севастополь!» – вот что значил его сигнал.

– Успокойся, браток, – уговаривал моряка командир. – Мы слышим тебя, слышим.

Но моряк не внимал словам и продолжал выстукивать «SOS». Тогда командир нашёл какую-то железку и несколько раз отстучал ответ: «Сигнал принят! Сигнал принят! Иду на помощь!».

Рука моряка вдруг замерла, пальцы неожиданно разжались, камень выпал из поникшей руки. И тут же на лице отразилось что-то светлое, уходящее в вечность...

А камень, так долго хранивший тепло и смысл его жизни, стал заветным для тех, кто освобождал Севастополь.

Наира ЧАТИЛЯН

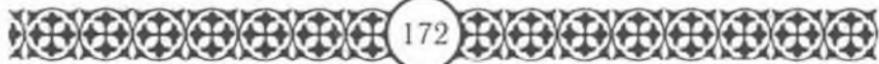
Чатилян Наира Ашотовна родилась в 1984 году в городе Кировакане (ныне Ванадзор, Армения).

После землетрясения 1988 года с семьей переехала в город Тирасполь (Молдова), а через некоторое время вся семья возвратилась на родину. В 1989 году переехала в город Саки (Крым). С 2000 года живёт в городе Симферополе.

Писать стихи начала в 1995 году. Печаталась в районной городской сакских газетах («Сакская газета» и «Слово зрода»), посещала кружок юных поэтов «Магия слова» при редакции районной газеты.

В 2001 году поступила на филологический факультет Таврического Национального университета имени В.И.Вернадского. С этого же года начала писать статьи и печатать их в университетских многотиражных газетах «Таврический университет» и «Студенческий стиль». Эти работы публиковались как под собственным именем, так и под псевдонимом.

В последние годы Чатилян Н.А. приобщалась к жизни крымского армянского общества и стала печатать статьи в газете «Голубь Масиса» и вести активную журналистскую деятельность в КАО.

БЕЛЫЕ ТУЧКИ

Белые тучки над нами вертятся,
Белые тучки летят и кружатся.
Молния с громом без тучек страдают,
Зная, что в мире без них пропадают.

Капли дождя вновь весь мир умывают...
Радости, счастья со мной не бывает.
Я и не знаю – смеяться иль плакать,
Если на сердце – то солнце, то слякоть.

В душу луна или солнце не брызнут,
Нет теперь смеха и радости в жизни...
Тучки над нами кружатся и бродят.
Счастье всё дальше и дальше уходит.

ВСЛЕД ЗА МЕЧТОЙ

И из-под лунного костра,
И из-под снежного ковра,
И в зимний холод, в мрак ночной
Летит орёл с одной мечтой.
За ветром буйным он летит
И, как заклятие, твердит,
Что хочет он попасть туда,
Где животворная вода,
Туда, где светлая земля,
Где счастье и его судьба!
И будто понял ветерок,

И за собой орла повлѣк
В благословенные края,
Где счастье и его друзья.

РОДИНА

Жить не хочу в разлуке, боли крайней
Или мечтать о родине вдали.
Я лишь хочу вернуться в милый край мой,
В душе чтоб в счастье розы расцвели.

Пусть город мой не очень уж красивый,
Пусть беден он, и пусть травой зарос,
Но он всё тот же – радостный, шустрый,
Он – словно музыка веселых, сладких грѣз.

КРЫМ

Мой милый Крым: леса, луга и горы,
Морская синь, немолкнуший прибой –
Всѣ есть на этом ласковом просторе,
Одушевляя полуостров мой.

Мой полуостров – райский уголок,
И в нём звенит хрустальная душа.
Сюда стекаются из разных точек
Лишь потому – земля так хороша!

Мой Крым, где все совсем не равнодушны
И где всегда сбываются мечты,

Где радость наполняет сердце, душу,
Вот потому так дорог сердцу ты!

Здесь всё так просто, люди добродушны,
Тут нет ни слёз, ни тягостных забот,
И здесь судьба ко мне великодушна,
И потому душа моя поёт.

БЕЛЫЙ СНЕГ

Я люблю смотреть на белый снег.
Он весь двор от злого очищает,
Как осенний ветер в тёплый день,
Он листву с дороги выметает.

Белые дороги мне милы
Ранним утром, после бури снежной...
Я могу весь город обойти,
Лишь бы видеть этот город нежный.

Я люблю смотреть на белый снег...
Он, как ангел, в город прилетает
И размахом крыльев, как от бед,
Всех нас он от ветра прикрывает.

МАМА

Мне хорошо, когда со мною мама,
Так весела улыбка у нее.
«Она мила, – скажу я людям прямо, –
И лучше нет на свете никого!».

* * *

Ручей журчит и раннею весной
И мчится он неимоверно быстро...
А ты не знаешь, что перед тобой
Дорога жизни очень камениста.

7 ДЕКАБРЯ 1988 ГОДА

Гул лошадиных копыт,
Камень о камень всё бьётся...
Трещины все не забыть,
Красная кровь горько льётся.

Трещины в сердце крупней,
Красный на белом всё чаще,
Гул лошадиный сильнее,
Дорога от крови всё слаще.

Яма ещё не замыта,
Вечный наш путь далеко...
Красный и белый прикрыты,
Но и теперь нелегко...

* * *

Смешно, когда нас грешник судит
И нагло смеет осуждать.
Смешно, и это нас погубит,
Но мы пытаемся понять.

АРАРИДА

Два кусочка земли,
Не больших и не малых,
Лишь цветочки цвели
В душах серых и вялых.

Оба были мои
И душою, и телом...
Два кусочка земли –
Я люблю их несмело.

ПЕСНЯ

Старый мир, я прошу, нас прости –
Люди в мире давно изменились.
Не грусти, а нас ты научи,
Как нам жить – мы ведь все обленились.

Старый мир, стали люди умны,
Много знают, теряют, страдают.
Могут правила чтить каждый час,
Но природу они забывают.

Старый мир, видя много времён,
О природе ты знаешь, животных.
Расскажи, ты на долгом пути
Сколько видел людишек негодных?

Старый мир, не грусти, слушай нас:
Всё ты видел, не видел лишь лета.
Научись счастье ты ожидать,
Как и мы вечно делаем это.

ПОДАРЕННОЕ ВРЕМЯ, или МИРАЖ

Кто знает о тоске,
Кто знает о тревогах,
Расскажет о земле,
Откуда и я родом.

Скучаю по тебе,
Мой край родной и милый,
На крымской я земле
Живу в тоске унылой.

И вот моя дорога —
В обратный путь я рвусь:
Откуда и я родом,
Туда я и вернусь.

Ты, речка золотая,
Смотри, не засыпай,
А, волнами играя,
Каменья оmyвай.

Вот мостик-полукруг,
И я спешу туда:
Там самый первый друг –
Школа там моя!

Поляна и гора,
Цветочки и трава...
Но что ж это? О, нет!
Какой-то слышу бред:

«Сон кончился уже, –
Мне голос с высоты, –
До трёх лишь сосчитай –
Глаза откроешь ты».

УЛЫБКА

Улыбка украшает человека.
Она – как зеркало его души,
И помогает нам она навеки
Отвыкнуть от глухой тоски в тиши.

Ты оглянись, найди скорей улыбку –
И сразу станет сердцу веселей,
И не теряй от счастья свою нитку –
Улыбкой людям отвечай скорей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово об армянской литературе</i>	5
Ерванд БАРАШЬЯН	
Этапы жизни крымских армян	9
Автор одного стихотворения	12
Галина БАРОЯН	
Երևան	17
Ереван	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	17
Посещение	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	18
Յանկություն	19
Желание (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	20
Мы – армяне	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	21
Сасун БАРЯН	
«Մասիսներ, եղբայրներ, շուտափույթ...»	23
«Братья, станьте, как Масис»	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	24
«Դու ծնվեցիր մի բուռ, սակայն հպարտ ազգից...»	25
«Ты родился на крошечной земле...»	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	26
ԽՈՍԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ ԾԽԱԽՈՏԻ ՀԵՏ	27
Разговор с сигаретой	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	28
«Հիսուն գարուններ ու հիսուն ամառ...»	29
«Полсотни лет и весен ты уже живешь...»	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	30
ԴՄ ՄԱՅՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆ	31
Мать моя Армения	
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	32
ԼԱՆԿՈՒԹՅՈՒՆ	33
Детство (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	34
ԶՈՂՈՔԱՐԿՈՒՄ ԵՄ ԵՄ ՉԱՐԻ ԴԻՄԱՅ... ..	35

Я протестую против зла... (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	37
ԷՏՅՈՒԴ	38
ԻՄ ԱՊ ՈՒ ՊԱՊԵՐԸ	40
Спор двух богачей	43

Владимир ВАРТАНЬЯН

Старшему брату	46
Бахчисарай (Заключительный сонет из венка)	47
Смерть скрипки	48
«Им виз устала...»	48
Ялтинский вальс	51
Ялтинський вальс (Переклад із російської автора)	52
Плохая мама (Отрывок из повести)	53

Нелли ГРИГОРЯН

Экспромты

(Переводы с армянского В.Вартаньяна)

«Փորժիր դու նայել աչքերիս...»	60
«Попробуй посмотреть в глаза мои...»	60
«Աշխարհը փլվեր...»	61
«Если б мир разрушился до дна...»	61
«Թող, թող, հեռացիր... »	61
«Оставь, оставь и уходи...»	61
«Տուր ինձ աչքերդ...»	61
«Свои глаза, любимый, мне отдай...»	62
«Վերջ տուր...»	62
«Ну, прекрати, любимый мой, не плачь...»	63
«Ես սիրում եմ քեզ...»	63
«Я люблю тебя, я...»	64
«Շուրթերս իմ սեր...»	64
«Мои губы, любимый...»	64
«Դու ուզեցիր, որ ես գոռամ... »	65
«Ты захотел, чтоб я скулила...»	65
«Ես թողեցի, որ համբուրես իմ շուրթերը... »	65
«Я позволила тебе мои губы целовать...»	66
«Փողոցում կաղկանձում էր մի կաղ շուն...»	66
«На улице скулит побитая собака...»	66

«Փորձեցի ես նայել արեւուիմ...»	66
«Захотела взглянуть на палящее солнце...»	67
«Դե հեռացիր, հեռացիր... »	67
«Ну, теперь уходи, уходи...»	67
«Տուր ինձ աչքերդ...»	68
«Твои глаза мне, милый, дай...»	68

Пётр КАЗАНЧАНЦ

Афоризмы	70
----------------	----

Рузанна КАРАПЕТЯН

Дай мне...	80
Призрак	80
Սիրելի մայրիկ	83
Любимая мама (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	84
Երևան	85
Армения (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	86

Вагаршак МАЗЛУМЯН

Накануне (Глава из романа «Долгая дорога к дому»)	88
--	----

Галина МАРКИНА

Сталинград	98
Звезда Асадова	99

Георгий МЕЛИКОВ

Стихи	106
Поэт	107
Дайте Родину!	108
Земляничная поляна (Рассказ)	109
Мать орла (Рассказ)	115

Михаил ПЕТРОСЯН

Իմ Հայաստանիմ	122
Моей Армении	123
(Перевод с армянского В.Вартаньяна)	

Հայրի աղջիկ	124
Армяночка (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	124
Դու	125
Ты (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	126
Փարնան քամի	127
Весенний ветер (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	128
Ամպերը	129
Тучи (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	130

Рушан ПИЛОСЯН

«Ты говорила... Я молча стоял...»	132
«Пока я тебя безумно люблю...»	132
Дороги (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	133
Помнишь? (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	133
Զգուշակեցիր	134
«Ты для меня – весны цветок...» (Перевод с армянского В.Вартаньяна)	135
Մայրամուտից առաջ	136
Հրաժեշտի պահին	137
Հայերեն	137
Ուր են տանում ճամփաները	138
«Հիմա իմ երկրում խավար է, թե լույս...»	139
«Հիշում ես... Անձրև եր, աշուն...»	139
Ծիրանենին	140
Абрикосовое дерево (Перевод с армянского Л.Тащян)	144

Александр СКЛЯРУК

«Всё в мире окрашено светом...»	149
«В бесконечной суете...»	149
«Полвека, полдела, полсвета.»	149
«Всё могут мудрость и года...»	150
«Кажется – эхо колеблется...»	150
«Есть в сердце у меня страна...»	151
«В голубом царстве неба...»	151
«Родниковой далью ты к себе манила...»	151
«День прошёл... Лето стало короче...»	152

«Твои глаза – мои дороги, страны...»	153
«Не грусти, родная, не грусти.»	153
«Робкий взгляд и губ стремление...»	154
«Я расшифровывал печать...»	154
«В роднике твоих желаний...»	155
«Я верил в Вас, как в Бога...»	155
«Любовь пришла неожиданно, незаметно...»	156
Восточные мотивы	157

Марат ФАЙЗИ

Алим и Ашхен (<i>По мотивам крымских легенд</i>)	159
Как богатырь Морозко добрым дедушкой стал (<i>Сказка</i>)	167
Севастопольский камень (<i>Героическая новелла</i>)	170

Наира ЧАТИЛЯН

Белые тучки	173
Вслед за мечтой	173
Родина	174
Крым	174
Белый снег	175
Мама	175
«Ручей журчит и раннею весною...»	177
7 декабря 1988 года	177
«Смешно, когда нас грешник судит...»	177
Арарида	177
Песня	177
Подаренное время, или <i>Мираж</i>	178
Улыбка	179

Сдано в набор 10.10. 2003. Подписано в печать 13.12. 2003.
 Бумага офсетная. Гарнитура Antiqua. Печать офсетная.
 Тираж 300.

Издательство «ДОЛЯ»: 95022, г. Симферополь,
 ул. Виноградная, 22. Тел./факс: (0652) 57.30.01

E-mail: vbasyrov@mail.ru.

Свидетельство о регистрации:
 ДК № 343 от 23.02. 2001.

